
«ВСЕ НА ЗАЩИТУ МОСКВЫ»

Московская битва — самая крупная не только во Второй мировой войне, но и во всей военной истории человечества. Она втянула в свою орбиту более 7 млн человек¹. В 1943 г. Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников назвал ее событием Великой Отечественной, которое повлияло на ход и исход войны. С захватом Москвы, ключевого пункта восточной кампании вермахта в 1941 г., согласно немецким планам, Советский Союз должен был утратить свою государственность. Удержание же столицы давало возможность советскому народу получить необходимое время для развертывания в полном масштабе военной экономики, мобилизации всех ресурсов на разгром врага.

В ходе Московской битвы были перечеркнуты планы Гитлера и его стратегов молниеносной победы над Советским государством и последующего установления мирового господства. У стен советской столицы вермахт потерпел первое крупнейшее поражение, определившее во многом последующий ход и конечный итог Великой Отечественной войны. Оценивая победу Красной армии в Московской битве, Г. К. Жуков писал, что именно тогда «была заложена прочная основа для последующего разгрома фашистской Германии»².

Московская битва представляла собой совокупность оборонительных и наступательных операций советских войск, проведенных с 30 сентября 1941 г. по 20 апреля 1942 г. на западном стратегическом направлении с целью обороны Москвы и Центрального промышленного района, разгрома угрожавших им ударных группировок немецких войск. Она делится на два периода: оборонительный (30 сентября — 4 декабря 1941) и наступательный, состоящий из двух этапов: контрнаступления (5–6 декабря 1941 — 7–8 января 1942) и общего наступления советских войск (7–10 января — 20 апреля 1942).

План вермахта по захвату Москвы

В истории нашего Отечества Москва всегда занимала особенное положение. Здесь сходятся крупнейшие железные и автомобильные дороги, воздушные магистрали и водные пути. Москва лежит на линии, которая разделяет европейскую Россию на две части — северную и южную. Она связывает их так же, как запад и восток государства. Велико было и экономическое значение Центрального промышленного района и самой Москвы. Валовая продукция только столичных промышленных предприятий к началу войны составляла 14,7% продукции, выпускаемой всей промышленностью СССР. Московская металлообрабатывающая и электротехническая промышленность занимала ведущее место в стране и давала 48,1% всей продукции. Москва не просто столица нашей страны, она еще и политический, экономиче-

ский и социокультурный центр, символ российской государственности. Москва — сердце России. Москву следует расценивать не только как материальное, но и духовное образование. В директиве № 21 (план «Барбаросса») указывалось, что захват Москвы означал бы «как в политическом, так и в экономическом отношении решающий успех»³. Предполагалось, что с достижением этой цели война будет выиграна⁴. Причем, планируя захват Москвы, гитлеровцы предусматривали истребление основной массы москвичей. Для жителей великого города предназначались пуля и петля, их намеревались задушить в тисках голода. Фашисты цинично заявляли, что они против сохранения населения Москвы и его «кормления». А. Розенберг открыто признавал, что они не видели «абсолютно никакой причины... снабжать продовольствием русский народ». Для массовых убийств москвичей гитлеровцы создали специальную зондеркоманду «Москва»⁵. Поэтому одной из основных задач главного командования сухопутных войск вермахта (ОКХ) наряду с разгромом советских войск в приграничных сражениях являлся захват столицы СССР — Москвы.

Мощнейшая группировка вермахта (группа армий «Центр») под командованием опытного военачальника генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока должна была продвигаться к Москве по кратчайшему маршруту. При этом командование группы армий «Центр» исходило в своих расчетах прежде всего из установок директивы «Барбаросса», по которой, в частности, продвижение немцев к советской столице должно было осуществляться в условиях полного развала и дезорганизации сил Красной армии⁶.

Но ни план «Барбаросса», ни последовавшие затем оперативные разработки групп армий не учитывали всех издержек, связанных с гигантским расширением фронта в ходе предстоявшей операции: потерю времени, износ материальной части ударных группировок, падение наступательного духа солдат и офицеров в случае непредвиденного замедления продвижения вперед. Взоры немецких стратегов были устремлены к Москве. И не только стратегов. «Мы хотели доказать большевикам наше превосходство и стремились в Москву. Чем скорее достигнем этой цели, тем скорее будет конец войне, и мы окончательно вернемся домой — так мы думали», — вспоминал немецкий солдат Б. Винцер⁷.

Правда, уже по итогам первых дней боевых действий Бок сообщал в донесении в генеральный штаб сухопутных войск (ОКХ), что «завершение сражений на уничтожение на Востоке будет иметь существенное отличие от Запада. Если на Западе, как и в войне с Польшей, окруженные силы противника после окончания сражения в основном сдавались в плен, здесь это будет происходить по-другому»⁸. Мужество, отвага, героизм солдат Красной армии в приграничных сражениях, боях и оборонительных операциях подтвердили прогноз немецкого военачальника. Немцам приходилось выделять крупные силы, в том числе из частей армии резерва, для борьбы с оставшимися в их тылу советскими войсками, которые с оружием в руках прорывались на восток.

К концу лета 1941 г. московское направление продолжало оставаться решающим как для ОКХ, так и для верховного командования вооруженных сил Германии (ОКВ). Временная задержка продвижения частей группы армий «Центр» на восток являлась болезненной для германских генералов, рассчитывавших завершить к этому времени уничтожение основных сил Красной армии. Но она не влияла пока на осуществление общей стратегической концепции блицкрига. В телеграмме ОКХ от 31 июля 1941 г. группе армий «Центр» было приказано по-прежнему «готовиться к наступлению на Москву»⁹.

6 сентября 1941 г. последовала директива ОКВ № 35. Германское верховное командование намечало в ближайшее время провести последовательно две крупные операции. Первая — уничтожение советских войск под Киевом силами групп армий «Центр» и «Юг», и вторая — после устранения угрозы южному флангу группы армий «Центр» решительное наступление войск фон Бока на Москву. После выхода директивы началась непосредственная подготовка операции по захвату советской столицы, позже (19 сентября 1941) получившей кодовое наименование «Тайфун». Намеченный в директиве общий замысел наступления на Москву в сентябре 1941 г. был доработан, а затем оформлен в виде приказов группы армий «Центр», в которых детально излагались задачи каждого объединения.

В вводной части директивы № 35 пояснялось, что «начальные успехи против сил противника, находящиеся между внутренними флангами групп армий «Центр» и «Север», с точки зрения окружения Ленинграда, создают предпосылки для проведения решающих операций против ведущей наступление группы армий Тимошенко. Она должна быть уничтожена еще до наступления зимы. Для этого необходимо подтянуть и сосредоточить все силы авиации и сухопутной армии, без которых можно обойтись на флангах»¹⁰.

Фюрер косвенно признал: оборона Ленинграда — города, в который германские войска должны были войти раньше, чем в Москву, — оказалась ему не по зубам. Не произошло и быстрого соединения вермахта с финской армией. Окружение Ленинграда ставило его защитников и жителей в тяжелейшее положение, но и германскому командованию приходилось считаться с отвлечением крупных сил для его блокирования. Гитлер был вынужден смириться с незавершенностью операций в полосе группы армий «Север» и довольствоваться тем, что вопрос об угрозе северному флангу группы фон Бока сделался на время менее острым. Продвижение в направлении Тихвина и далее навстречу финнам планировалось начать лишь в октябре 1941 г.

Операция «Тайфун» готовилась в тот момент, когда в Красной армии сложилось крайне тяжелое положение, так как на ряде направлений противнику удалось добиться крупных успехов. Командование вермахта после разгрома Юго-Западного фронта под Киевом практически поставило крест на способности СССР продолжать активные боевые действия¹¹.

Успехи немецких войск при окружении частей Западного фронта под Белостоком и Минском, Смоленское сражение, боевые действия под Брянском и Вязьмой, казалось, ставили Советское государство в безвыходную ситуацию. Весьма значительными были потери Красной армии и на других участках советско-германского фронта — под Киевом, Уманью, Лугой. Они также во многом определили исход летней кампании 1941 г. и позволили командованию вермахта надеяться на полное истощение резервов Советского Союза.

Создавшиеся для вермахта благоприятные условия для наступления в первые дни войны, особенно на московском направлении, безусловно, повлияли на стремление главного командования сухопутных войск продолжать быстрое продвижение на восток. Подобные замыслы подкреплялись донесениями с фронта. Так, подполковник фон Либерштейн, офицер генерального штаба ОКХ, служивший во 2-й танковой группе, во время беседы с адъютантом фюрера полковником Р. Шмундом 12 июля 1941 г. сообщал, что, по оценке командующего танковой группой Г. Гудериана, боевая сила его объединения вполне достаточна для того, чтобы прорваться на Москву. Группа имела только одно желание — получить разрешение двигаться вперед¹².

И это притом что танковые дивизии понесли в предыдущих боях крупные потери. 5-я и 8-я танковые дивизии потеряли до 50% танков, а 17-я танковая дивизия имела в распоряжении только 30% боеспособных боевых машин. Тем не менее Гудериан считал, что сумел «вклиниться в стратегическое сосредоточение противника», который только выдвигался на передовые позиции, и желал продолжать наступление, чтобы выиграть свободный путь на восток¹³.

Командующий 3-й танковой группой генерал Г. Гот, после того как его войска захватили Витебск, также рассчитывал наступать вплоть до Москвы. Позднее в своих воспоминаниях он отмечал, что 3-я танковая группа «стремилась развить операцию по преследованию отступающего противника без остановки до самой Москвы»¹⁴. Оставшиеся советские части и вновь подходившие с востока соединения Красной армии должны были уничтожиться по ходу дела в новом, Смоленском котле.

После разгрома окруженных советских войск о сопротивлении Красной армии, по мнению ОКХ, можно было забыть. Поэтому 15 сентября 1941 г. Бок отдал приказ, требующий скорого принятия решений и быстрого продвижения. Командир, по его мнению, должен был «раздумывать до начала боя... Если даже часть смертельно устала, командир должен найти средства и пути и начать преследование и провести его до конца»¹⁵.

Между тем реализация операции «Тайфун» началась не по сценарию германских стратегов. Прорваться с ходу на Москву не удалось. Положение на московском направлении в середине сентября 1941 г. более или менее стабилизировалось. Части Западного, Резервного

и Брянского фронтов пополнялись личным составом и техникой. Несмотря на тяжелейшие потери в июле — начале августа 1941 г., войска Красной армии, прикрывавшие путь на Москву, не только не утратили своей боеспособности, но и продолжали ее наращивать. Смоленское же сражение изматывало силы вермахта и задерживало их на главном стратегическом направлении. Возрастающее сопротивление Красной армии не только в центре, но и на флангах советско-германского фронта сковывало наступление противника, не допускало его дальнейшего продвижения.

Хотя накал сражений в полосе группы армий «Центр» несколько снизился, офицеры в боевых частях все чаще стали отмечать усталость военнослужащих вермахта. Отсутствие продвижения вперед, условия фронтового быта, ежедневные неизбежные потери тяжело воспринимались германскими солдатами, привыкшими к легким победам, что не прошло незамеченным для германского командования.

Немецкие войска несли заметные потери. С начала войны по 30 сентября 1941 г. вермахт (без войск сателлитов) потерял ранеными, убитыми и пропавшими без вести, не считая больных, 551 039 человек, в том числе офицеров — 18 235 и унтер-офицеров и рядовых — 532 804, то есть 16,2% общей численности немецких сухопутных войск на советско-германском фронте, равной 3,4 млн человек¹⁶. Танковые дивизии противника уже к середине августа потеряли в среднем около половины танков.

На начало сентября в результате непрерывных сражений боевая численность пехотных подразделений группы армий «Центр» снизилась настолько, что начала внушать опасения немецкому командованию. Штаб 2-й немецкой армии констатировал, что в ротах осталось в среднем по одному, в редких случаях по два офицера, по 10 унтер-офицеров и по 70 рядовых. Вследствие непрерывных и очень больших переходов ухудшилось состояние здоровья личного состава¹⁷. Некоторые войсковые части вермахта после трех с половиной месяцев тяжелейших боев потеряли боеспособность, по оценкам немецких исследователей — на 50%¹⁸.

В планах вермахта по захвату Москвы в рамках операции «Тайфун» констатировалось, что угроза южному флангу группы армий «Центр» оставалась. Еще до начала наступления на Москву немецкое командование планировало операцию на южном фланге советско-германского фронта: предполагалось силами группы армий «Юг» и южного крыла группы армий «Центр» разгромить войска Юго-Западного фронта «в треугольнике Кременчуг, Киев, Конотоп» с последующим проведением перегруппировки соединений 2-й, 6-й полевой армий и 2-й танковой группы для новой операции. На нижнем Днепре предусматривалось продолжить наступление на Крым и Мелитополь.

Незадействованные в операциях на южном фланге войска группы армий «Центр» должны были готовиться к проведению в конце сентября решительного наступления в направлении на Москву. Это наступление предусматривало два этапа: первый — окружение советских сил, прикрывавших столицу с запада; второй — преследование остатков советских войск вплоть до Москвы.

В соответствии с замыслом операции «Тайфун» предполагалось создать на флангах группы армий «Центр» «сильные танковые части и в результате двойного охвата в направлении города Вязьма уничтожить противника, находящегося восточнее Смоленска». Для удара моторизованных сил намечались два направления: «Первое — на южном фланге, предположительно в районе юго-восточнее Рославля [4-я армия] с нанесением удара на северо-восток» — туда перебрасывались свежие 5-я и 2-я танковые дивизии; и «второе — в районе 9-й армии с нанесением удара через Белый» — в этот район должны были подтянуться значительные силы из группы армий «Север». Указывалось: «только после того, как основная часть сил группы Тимошенко в результате этой операции будет уничтожена, группе армий «Центр», примыкая справа к р. Ока и слева к верховьям Волги, начать преследование противника в направлении на Москву»¹⁹.

Германским ВВС ставилась задача поддержать наступление, особенно на северо-восточном направлении. Основные силы 2-го воздушного флота также должны были действовать на флангах.

Второй этап наступления (преследование противника до Москвы) намечалось обеспечить: с юга — продвижением моторизованных частей группы армий «Юг» в северо-восточном направлении, а с севера — наступлением соединений группы армий «Север» по обе стороны оз. Ильмень и навстречу финской Карельской армии²⁰.

Необходимо отметить одну деталь в плане германского командования. Моторизованные части 2-й танковой группы армий «Юг», высвобождавшиеся по мере ликвидации окруженной группировки Юго-Западного фронта, пока не предусматривалось задействовать на главном направлении. Они должны были лишь прикрывать его южный фланг. Очевидно, что ОКВ беспокоилось за судьбу операции в районе Киева и не хотело опережать события. Естественно, такой поворот событий не устраивал командование группы армий «Центр». Бок не оставлял надежды, что впоследствии ему удастся воспользоваться мощью 2-й танковой группы и расширить фронт наступления на московском направлении.

Командование группы армий «Центр» было вынуждено смириться с тем, что даже при быстром успехе под Киевом 2-й танковой группе предстояло совершить большой маневр на несколько сотен километров. Это влекло за собой серьезный износ материальной части и физическое истощение военнослужащих (не говоря уже о потерях в личном составе и бронетехнике), а в конечном итоге грозило отсутствием тесного флангового взаимодействия 2-й танковой группы с наступающей из района Рославля 4-й полевой армией. По оценкам некоторых современных немецких исследователей, в операции «Тайфун» Гитлер «всё поставил на карту»²¹.

В сентябре 1941 г. велась подготовка немецких войск к операции. Лимит времени заставлял германских генералов действовать быстро и энергично. ОКВ указывало, что решающее значение имела переброска шести пехотных дивизий из 2-й и 6-й армий, двух танковых дивизий из Германии, высвобождавшихся соединений группы армий «Север», 2-й танковой группы до начала октября 1941 г. Отмечалось, что переход в наступление группы армий «Центр» до начала октября может осуществиться при следующих условиях: боевые действия группы армий «Юг» в междуречье Днепр — Десна закончатся в основном до 25 сентября; пехотные соединения группы армий «Центр» к началу октября не будут ослаблены оборонительными боями; погодные условия будут благоприятствовать осуществлению передвижения; войска группа армий «Центр» удержат фронт и сохранят за собой базу снабжения в Смоленске²².

Основным замыслом первого этапа немецкого наступления на Москву осенью 1941 г. стал охватывающий удар на Вязьму. Вопрос — почему же была выбрана именно Вязьма — требует некоторого пояснения. Дело в том что сама идея такого охватывающего удара родилась еще в начале августа 1941 г., но не в недрах ОКХ и ОКВ, как было принято считать ранее, а в штабе 3-й танковой группы. Офицер связи командования сухопутных войск, участвовавший в переговорах с командующим группой Г. Готом, 11 августа докладывал: «...общие соображения 3 ТГр²³ более продуманы. 3 ТГр не ожидает в целом, как 2 ТГр, разгрома противника перед его фронтом только путем лобовой атаки. Командование группы больше видит возможность к его уничтожению во взаимодействии со 2 ТГр, в создании мешка с завершением восточнее Вязьмы, для чего требуется держать вблизи группу Гудериана»²⁴.

Хотя в сентябре 1941 г. части Гудериана оказались отвлечены операцией на юге, идея мешка под Вязьмой не была забыта. 2-ю танковую группу призвана была заменить 4-я танковая группа генерала Э. Гёпнера, находившаяся в то время под Ленинградом. Это, естественно, ослабляло немецкие силы, предназначенные для захвата города на Неве, ставило под вопрос успешное соединение с финнами еще в 1941 г., однако давало германскому командованию шанс сконцентрировать крупные танковые силы на главном, московском направлении. В дальнейшем, несмотря на то что 4-я танковая группа еще некоторое время действовала на северном участке советско-германского фронта, расчеты ОКХ и штаба группы армий «Центр» стали основываться на ее участии в предстоявшем наступлении на Москву.

После выхода директивы № 35 Вязьма стала фигурировать почти во всех документах германского командования, посвященных предстоящему наступлению. Более того, название этого города часто упоминалось в прямых переговорах командующего группы армий «Центр»

с главнокомандующим сухопутными войсками. После 6 сентября между Ф. Боком и В. Браухичем возникли некоторые разногласия относительно глубины продвижения германских войск на первом этапе операции, в основном по вопросу: где должны замкнуться танковые клещи — у Вязьмы или восточнее?

8 сентября 1941 г. Бок просил главное командование сухопутных войск учесть, что «рубежи укреплений по обеим сторонам Вязьмы, а также глубокоэшелонированное построение этих оборонительных рубежей позволяют провести операцию только за ними, то есть в направлении на Гжатск»²⁵. Но Браухич был более осторожным и придерживался другого мнения. 12 сентября он сообщил командующему группой: «Основная цель операции, проводимой группой армий «Центр», должна заключаться в том, чтобы вывести из строя расположенный в центре группы войск Тимошенко основной стержень сосредоточения войск противника на ограниченной территории и плотным охватом уничтожить его... Для намеченного двустороннего охвата ядра группировки Тимошенко необходимо взять направление общего наступления на Вязьму»²⁶.

Браухич, в отличие от Бока, поддерживал мнение тех генералов, которые считали, что слишком глубокий охват противника становится все более опасным, он чреват тем, что наступление может не достигнуть своей цели. Так, представители ОКХ, находившиеся при 3-й танковой группе, предостерегали, что «при выходе к далеко отстоящим целям фронт охвата противника будет, как и до сих пор, недостаточно плотен, и в этом случае крупные вражеские силы смогут прорваться и выйти, избегнув окружения, которое возможно будет завершить спустя лишь продолжительный срок. Время же, которое имеется в нашем распоряжении, ограничено»²⁷.

В конечном итоге, в ОКХ решили использовать в первую очередь тактику «небольших мешков», тем самым косвенно признавалось, что тактика блицкрига в России себя не оправдывает. Пришлось на ходу приспособливаться к действиям советских частей. 25 сентября 1941 г. начальник генерального штаба ОКХ генерал-полковник Ф. Гальдер приказал подчиненным ему офицерам связи собрать в войсках данные о приобретенном опыте кампании. Одним из вопросов, который рекомендовалось задавать полевым командирам, был следующий: «Вызывает ли чувствительность флангов необходимость отказаться от применявшегося до сих пор принципа — продвигаться далеко вглубь [обороны противника]?»²⁸

Приготовления германских войск к операции в полной мере учитывали местность предстоящего наступления, вопросы своевременного подвоза войск, маскировки. Генштаб ОКХ определял количество корпусов и дивизий, необходимых для каждого направления, уточнял оперативные планы. Развертывание войск и их сосредоточение были возложены на командование группы армий, которому вменялось в обязанность руководить операцией. Выпускники германской академии генштаба (офицеры генштаба), находившиеся непосредственно в войсках и занимавшие различные командные должности, были ответственны за конкретизацию задач каждого соединения.

Огромное значение для успеха наступления приобретали маскировка, дезинформация противника (в том числе радиообман), распространение в тылу советских войск ложных слухов, а также учет рельефа местности, бесперебойное снабжение боеприпасами и прочее.

Северная ударная группировка группы армий «Центр» сосредоточилась в районе Духовщины, а южная — под Рославлем. Расстояние между ними — примерно 150 км, то есть почти в два раза меньше, чем между 2-й и 3-й танковыми группами перед началом «Барбароссы». Это было вызвано, во-первых, необходимостью взять в кольцо наиболее многочисленную советскую группировку, расположенную вдоль шоссе Минск — Москва; а во-вторых, немецкие удары направлялись по слабым участкам, что позволяло быстро прорвать советскую оборону и на начальном этапе сражений избежать крупных потерь.

К началу наступления германское командование сумело получить достоверные сведения о расположении советских войск. Еще 12 сентября Браухич отметил, что направления восточнее Рославля и восточнее Велижа являются наиболее уязвимыми участками советского фронта. Чуть позднее, в своей сводке № 102 от 25 сентября 1941 г., отдел по изучению ино-

странных армий Востока генштаба ОКХ сообщил о прочности советской обороны напротив внутренних флангов 4-й и 9-й немецких армий, то есть непосредственно в районе шоссе Москва — Смоленск²⁹.

16 сентября 1941 г. Бок издал директиву № 1300 («Директивы для новой операции»), которая в полной мере учитывала сложившуюся к тому времени ситуацию на фронте германских сил. Согласно оперативному замыслу, разработанному штабом группы и изложенному в этой директиве, 4-я армия (с подчиненной 4-й танковой группой) и 9-я армия (с подчиненной 3-й танковой группой) должны были осуществить прорыв обороны противника по обеим сторонам шоссе Рославль — Москва и севернее автодороги Смоленск — Москва и зажать противника в клещи у Вязьмы. Частям 9-й армии предстояло также продвинуть свои войска в направлении на Ржев. Задачей 2-й армии было наступление между городами Почепом и Снопотью в направлении на Сухиничи, Мещовск и на южном фланге на Брянск. 2-я танковая группа, местом сосредоточения которой был район Рыльска, Почепа и Новгород-Северского, должна была ударить через линию Орел — Брянск. Указывалось, что танковая группа продвигается «с юга в направлении позиций противника на реке Десна и вытесняет его во взаимодействии со 2-й армией в дуге рек Судость, Десна». Главное командование сухопутных войск дало указание, чтобы правый (южный) фланг 2-й танковой группы ограничивался реками Свапа и Ока. В директиве также говорилось, что ситуация на флангах группы армий «Центр» в период наступления будет следующей: на северном фланге — 16-я армия (группа армий «Север») будет «оборонять линию озер на участке Осташков, озеро Ильмень, Волхов»; а на южном фланге — соединения группы армий «Юг» предположительно будут «наступать в общем направлении на Харьков»³⁰.

Для операции предназначались силы 22 немецких корпусов. В наступлении должны были принять участие (теперь в полном объеме) соединения 2-й танковой группы. Более того, под Рославль перебрасывались из района Ленинграда соединения 4-й танковой группы. Из состава группы армий «Юг» Бок получал также две танковые, две пехотные и две моторизованные дивизии. Из резерва главного командования группе армий были переданы полностью укомплектованные 2-я и 5-я танковые дивизии, прибывшие из Германии, которые должны были войти в состав 40-го корпуса, 4-й танковой группы³¹. 19 сентября началась переброска в район действий группы армий «Центр» 27-го армейского корпуса из района расположения группы армий «Д» (во Франции).

Таким образом, общий фронт предстоявшего наступления вражеских войск на западном направлении расширился до 600 км: от верховий Западной Двины — на севере, до Глухова и Шостки (Украина) — на юге. Это давало возможность проводить операцию более решительно, использовать широкий маневр и не опасаться удара по южному флангу соединений, предназначенных для окружения противника под Вязьмой.

Часть дивизий группы армий «Центр» оставалась в обороне восточнее и северо-восточнее Смоленска. В резерве группы армий оставались всего два соединения: 19-я танковая дивизия и 900-я учебная бригада. Кроме того, имелся моторизованный полк дивизии СС «Великая Германия».

Некомплект личного состава немецких соединений, составлявший на конец августа в некоторых дивизиях до 25%³² (при штатной численности германской пехотной дивизии — 16 859 человек, моторизованной — 14 089 и танковой — 16 000), был пополнен в пехотных дивизиях живой силой — примерно до 90% штатной укомплектованности. Количество танков в танковых и моторизованных дивизиях было доведено до 80–100% по штату³³.

Благодаря подвозу танков, моторов и запасных частей к началу октябрьского наступления количество находившихся в группе армий боеспособных танков увеличилось в два-три раза. Более того, 4-я танковая группа получила полностью укомплектованные 2-ю и 5-ю танковые дивизии. Притом что на 1 октября 1941 г. в группе армий «Центр» насчитывалось 1700 танков, входивших в состав 14 танковых дивизий³⁴, в среднем на танковую дивизию приходилось около 120 бронированных машин. Согласно штатному расписанию, немецкая танковая дивизия могла включать в свой состав от 135 до 209 танков.

Часть соединений, перебрасывавшихся в группу армий с других участков фронта, оставалась пока на значительном расстоянии от фронта. В частности, в 20-х числах сентября 1941 г. в Невеле сосредотачивались штабы и части 57, 41, 56-го корпусов. ОКХ обращало особое внимание на скрытность перегруппировки войск, выход их на исходные рубежи наступления как можно в более позднее время и с проведением мероприятий по дезинформации противника. Перемещение частей необходимо было производить по возможности в ночное время³⁵.

Накануне наступления командование 2-го воздушного флота тщательно спланировало взаимодействие авиации с сухопутными войсками. Для облегчения связи ее штаб размещался рядом со штабными палатками группы армий «Центр» в лесном лагере около Смоленска. Предполагалось, что 8-й авиакорпус и его части ПВО будут содействовать прорыву 3-й танковой группы генерала Гота. Частям 2-го авиакорпуса и 2-му корпусу ПВО генерала О. Десслоха предписывалось прикрывать соединения 4-й танковой группы генерала Гёпнера, а специальной группе подполковника графа К. фон Шенборна, входившей во 2-й авиакорпус, совместно с перебросенным с юга 1-м корпусом ПВО способствовать прорыву 2-й танковой группы генерала Гудериана.

Во второй половине сентября 1941 г. в штабе группы армий «Центр», в штабах ее соединений продолжалась кропотливая работа по подготовке операции. Уточнялись задачи каждому соединению. 24 сентября состоялось последнее оперативное совещание всех командующих немецкими полевыми армиями и танковыми группами с участием главнокомандующего сухопутными войсками Браухича и начальника генштаба ОКХ Ф. Гальдера. Начало операции для 2-й танковой группы было назначено на 30 сентября; для всех остальных соединений — 2 октября. Генерал Г. Гудериан настоял на том, чтобы его группа выступила раньше ввиду отсутствия на его направлении дорог с твердым покрытием. Он желал также максимально использовать хорошие погодные условия для броска в район Орла и Брянска³⁶.

Германские силы на московском направлении составляли в тот момент 42% личного состава, 75% танков, почти половину самолетов, 33% орудий и минометов от общего количества, находившегося на всем восточном фронте³⁷.

26 сентября 1941 г. Бок подписал приказ о наступлении. В нем говорилось: «После трудного времени ожидания группа армий возобновляет наступление». Предусматривались удар 4-й армии и подчиненной ей 4-й танковой группы по обеим сторонам шоссе Рославль — Москва, а затем их поворот на Вязьму. 9-я армия и подчиненная ей 3-я танковая группа должны были продвигаться через район г. Белый к железной дороге Вязьма — Ржев, а затем повернуть в районе верхнего течения Днепра в направлении автодороги западнее Вязьмы. 2-й полевой армии ставилась задача прорвать позиции противника в районе р. Десна и наступать на Сухиничи, Мещовск, в то время как 2-й танковой группе нанести удар в направлении Орел — Брянск и во взаимодействии со 2-й армией вытеснить противника из района дуги рек Судость и Десна. Отмечалось, что группа армий «Север» силами 16-й армии будет прикрывать линию севернее оз. Жеданье, а группа армий «Юг» наступать в восточном направлении севернее Харькова. 2-му воздушному флоту ставилась задача уничтожать советскую авиацию перед фронтом группы армий «Центр» и поддерживать наступление всеми силами. В связи с этим налеты на промышленные предприятия отходили пока на второй план³⁸.

Ошибочные данные немецкой разведки об отсутствии у СССР крупных резервов, представленные в сентябре 1941 г., не повлияли на результаты начального этапа боевых действий. Однако в дальнейшем они привели к крупным просчетам германского командования и явились одной из причин поражения немецких войск под Москвой. В конце сентября 1941 г. германское командование тщательно готовило операцию «Тайфун». Но гитлеровские стратеги строили свои прогнозы, исходя из существовавшей стратегической и оперативно-тактической обстановки. Они игнорировали остающийся людской, экономической и духовный потенциал советского народа. Гитлеровцы не принимали в расчет, что окончательный успех нового наступления может зависеть от способности Красной армии в кратчайшее время подготовить и перебросить к фронту стратегические резервы.

Трагедия поражения в октябре

Усиление группы армий «Центр», невыгодное для Красной армии соотношение сил и средств, явные признаки готовящегося противником крупного наступления на западном (московском) направлении вынудили Ставку Верховного главнокомандования предпринять меры по подготовке фронтов к отражению готовившегося удара. Хотя и с опозданием, она своей директивой от 27 сентября приказала войскам Западного, Резервного и Брянского фронтов перейти на занимаемых рубежах к упорной обороне. Указывалось на необходимость совершенствования инженерного укрепления главной полосы обороны, создания фронтовых и армейских резервов, вывода с переднего края наиболее ослабленных в предыдущих боях войск в ближайший тыл для пополнения и отдыха. Но времени для осуществления этих мероприятий было уже слишком мало³⁹.

Войска трех советских фронтов — Западного, Резервного и Брянского — занимали оборону в 300 км западнее Москвы, в полосе шириной около 800 км, простиравшейся от оз. Селигер до р. Сейм. В группировку, прикрывавшую около одной трети активной части советско-германского фронта, входило свыше 40% сил Красной армии, действовавших между Балтийским и Черным морями⁴⁰. Это свидетельствовало о том, что Ставка оценивала московское направление в предстоящем наступлении немецких войск как главное.

Общий замысел советского Верховного главнокомандования по обороне на западном направлении заключался в том, чтобы, упорно защищая подготовленные оборонительные рубежи, нанести немецко-фашистским войскам максимально больший урон и выиграть время для формирования и подвоза новых резервов.

Система оборонительных рубежей на московском направлении готовилась с начала июля. К сентябрю их было подготовлено три. Передовой рубеж сооружался по рекам Десна, Судость и уже в августе стал передним краем обороны советских войск. Восточнее строился Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж, который состоял из двух полос. 250 тыс. жителей Москвы и Московской области совместно с воинами дивизий народного ополчения к концу сентября сумели отрыть 2250 км противотанковых рвов и эскарпов, построить тысячу фортификационных сооружений.

Для более надежного прикрытия подступов к столице 16 июля было принято решение о строительстве Можайской линии обороны, состоявшей из двух полос. Таким образом, готовившиеся на дальних подступах к Москве оборонительные рубежи состояли из шести-семи оборонительных полос. Они опирались на выгодные в оперативно-тактическом отношении участки местности: берега рек, высоты и другие естественные препятствия. Общая глубина обороны достигала 200–250 км⁴¹.

Были приняты меры и по прикрытию столицы от ударов противника с воздуха. Противовоздушная оборона Москвы располагала относительно сильной истребительной авиацией, зенитной артиллерией с плотностью по четыре орудия на 1 км прикрываемой площади и аэростатами заграждения. Глубина зоны зенитного огня на основных направлениях достигала 35–45 км. Самолеты противника, направлявшиеся к Москве, держались непрерывно под контролем системы воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), имевшей небольшое количество радиолокационных установок (восемь установок РУС-1 и РУС-2), звукоулавливатели и прожекторные части.

К началу операции Западный фронт (командующий — генерал И. С. Конев), оборонявшийся в полосе шириной 347 км, по своему состоянию был самым сильным на московском направлении. В его составе имелось свыше 262 тыс. человек против 406 тыс. у противника, орудий и минометов — 4028 против 5651, танков — 486 против 591.

Войска Резервного фронта, которым командовал маршал С. М. Будённый, заменивший на этом посту Г. К. Жукова, оборонялись в 108-километровой полосе. Резервный фронт, как и Западный, уступал вражеским войскам по всем показателям. В его составе имелось чуть

Немецкие пехотинцы у танка Т-IV. Район Вязьмы

Женщины роют противотанковые рвы под Москвой

более 371 тыс. человек против 404 тыс. у противника, орудий и минометов — 4752 против 4940, танков — 301 против 809.

Армии Брянского фронта, возглавляемого генералом А. И. Ерёменко, были развернуты в полосе шириной 345 км. В составе войск фронта имелось около 199 тыс. человек против 260 тыс. у противника, орудий и минометов — 1529 против 3409, танков — 257 против 300.

Общее соотношение сил и средств на московском направлении к началу операции «Тайфун» характеризовалось следующими количественными показателями: личного состава трех советских фронтов — 1 млн 250 тыс. против 1 млн 800 тыс. в войсках группы армий «Центр» (соотношение 1:1,14), орудий и минометов — 10 309 против 14 000 (1:1,3), танков — 1044 против 1700 (1:1,6), боевых самолетов — 545⁴² против 1390 (1:2,5)⁴³.

Таким образом, соотношение сил и средств было в основном не в пользу Красной армии. С учетом же качественных параметров, оно становилось еще более неблагоприятным. Например, в составе Западного фронта из 483 танков современных тяжелых (КВ) и средних (Т-34) насчитывалось лишь 45 единиц⁴⁴, то есть немногим более 9%. Остальные танки были легкие, устаревшие, которые по своему вооружению, легкой броне и маневренности не могли идти ни в какое сравнение с немецкими. Аналогичное положение было и на других фронтах.

Количественное превосходство в самолетах также было на стороне противника. Что касается качественного состояния, то большинство самолетов боевой авиации трех советских фронтов было устаревших конструкций⁴⁵. Самолеты же новых типов в бомбардировочной, истребительной и штурмовой авиации составляли очень незначительный процент, в то время как в авиации противника имелись весьма маневренные и хорошо вооруженные самолеты «Юнкерс-87», «Фокке-вульф», «Мессершмитт-109» и другие.

Укомплектованность советских дивизий была весьма невысокой, насчитывая в среднем не более 5–7 тыс. человек. Это притом что штатная численность стрелковой дивизии РККА в то время составляла 10 859 человек, а немецкой — 16 859⁴⁶. Численность пехотных дивизий группы армий «Центр» к концу сентября 1941 г. была доведена до 14,5–15 тыс. человек (свыше 85% штатной численности). Количество танков в танковых дивизиях составляло в среднем: во 2-й танковой группе — до 50%, в 3-й танковой группе — до 70–80% и в 4-й танковой группе — до 100% штатной численности⁴⁷. На направлениях намеченных противником главных ударов количественное его превосходство было еще более значительным.

Привлеченные к обороне войска составили две группировки. Главной из них предстояло оборонять непосредственно московское направление, другой — брянское и орловское. В составе главной группировки было 12 армий Западного и Резервного фронтов, во второй — три армии и оперативная группа Брянского фронта. На первый эшелон, в который входили 11 армий и оперативная группа, возлагалось удержание оборонительного рубежа. Второй эшелон, состоявший из четырех армий Резервного фронта, должен был оборонять первую полосу Ржевско-Вяземского рубежа. Оперативное построение Западного и Брянского фронтов было в один эшелон, а Резервного — в два. Первые два фронта имели сильный резерв. Например, у генерала И. С. Конева находились семь дивизий и четыре танковые бригады. Фронтные резервы и второй эшелон располагались на направлениях сосредоточения основных усилий оборонявшихся. Глубина обороны фронтов достигала 20–25 км, а на направлениях, где располагались резервы, — до 30–55 км.

Оперативная плотность группировки советских войск к началу немецкого наступления в целом была низкой, особенно по артиллерии (12,9 орудий и минометов на 1 км фронта). В районах сосредоточения основных усилий она достигала 38 орудий и минометов. Но, учитывая дефицит боеприпасов в войсках для 76-мм и 152-мм пушек, 122-мм гаубиц, 82-мм и 120-мм минометов, обеспеченность которыми находилась в пределах от 0,3 до 1,2 боекомплекта, рассчитывать на создание эффективной системы огневого поражения противника в обороне было проблематично⁴⁸.

Немецкие ударные группы заняли исходные районы за один-два дня до начала операции «Тайфун».

30 сентября из района Шостки нанесла удар 2-я танковая группа генерала Г. Гудериана, а на рассвете 2 октября 9-я и 4-я полевые армии, 3-я и 4-я танковые группы атаковали советские войска на московском направлении одновременно на нескольких участках фронта. Гитлер, ожидая от предстоявшего наступления решающих победных результатов, в приказе солдатам восточного фронта от 2 октября самоуверенно заявил: «За несколько недель три самых основных промышленных района (Северо-Западный, Центральный и Донбасс. — *Прим. ред.*) будут полностью в наших руках... Создана наконец предпосылка к последнему огромному удару, который еще до наступления зимы должен привести к уничтожению врага... Сегодня начинается последнее большое, решающее сражение этого года»⁴⁹.

Начало операции для разработчиков операции «Тайфун» было оптимистичным. В дневнике Гальдера 2 октября 1941 г. появилась запись: «Группа армий «Центр»: Сегодня в 5.30 войска, используя ясную осеннюю погоду, начали крупную операцию «Тайфун». Танковая группа Гудериана, несмотря на затруднения на своем отставшем правом фланге, продолжает продвигаться вперед. Остальные наступающие армии и танковые группы к середине дня продвинулись только на 6–12 км. На отдельных участках противник поспешно отходит»⁵⁰.

Началась Московская стратегическая оборонительная операция, длившаяся 67 суток (30 сентября — 5 декабря 1941), которая явилась первым этапом битвы за Москву. В рамках Московской стратегической оборонительной операции были проведены: Орловско-Брянская, Вяземская, Можайско-Малоярославецкая, Калининская, Тульская, Клинско-Солнечногорская и Наро-Фоминская фронтовые оборонительные операции.

В полосе Западного фронта противник начал наступление после сильной артиллерийской и авиационной подготовки и под прикрытием дымовой завесы⁵¹. К исходу дня части 3-й танковой группы генерала Гота прорвали фронт на стыке 19-й и 30-й советских армий, а 4-я танковая группа генерала Гёпнера — в полосе обороны 43-й армии, к югу от Варшавского шоссе. К сожалению, все внимание Ставки ВГК в тот момент было приковано к орловскому и брянскому направлениям, а также к положению в районе Харькова. К тому времени 2-я танковая группа углубилась в полосу обороны Брянского фронта уже на 120 км⁵².

Оборонявшиеся на рославльском направлении южнее Варшавского шоссе три стрелковые дивизии и две танковые бригады 43-й армии Резервного фронта не выдержали натиска двенадцати дивизий 4-й танковой группы. Противник смял их и устремился в глубину обороны. К исходу дня соединения Гёпнера нанесли удар уже по второму эшелону фронта — 33-й армии, находившейся в 40 км от переднего края обороны.

За первые два дня наступления танковая группа Гудериана продвинулась до 80 км в глубину обороны Брянского фронта. Ее успех был следствием внезапности удара, очень мощной поддержки с воздуха почти всеми самолетами авиационной группировки, а также неподготовленности обороны на левом крыле фронта советских войск. Неправильно оценив обстановку, генерал Ерёмченко решил провести наступление с ограниченными целями силами группы А. Н. Ермакова, войска изготвились к наступлению, но противник упредил их. Находясь вне укрытий, они не выдержали внезапного удара и были оттеснены к востоку.

Расчленив войска Брянского фронта, танковые и моторизованные дивизии Гудериана главными силами устремились на север, в тыл фронта, а частью сил продолжили наступление на Орел⁵³ и 3 октября захватили его. Части 24-го моторизованного корпуса вклинились в тыл Брянского фронта. К тому времени вклинение дивизий Гудериана на орловском направлении достигло 120 км⁵⁴. Глубина продвижения немецких войск возросла до 50 км на Западном фронте, до 80 км — на Резервном и до 200 км — на Брянском. Над войсками Брянского фронта нависла угроза окружения. Генерал Ерёмченко обратился в Генеральный штаб с предложением отвести соединения фронта на тыловой рубеж, но поддержки не получил.

В то же время 1-й гвардейский стрелковый корпус и московские дивизии народного ополчения, переброшенные в район Мценска, вступили в бой с моторизованной и танковой группировками противника. Вражеские войска были задержаны на несколько дней и понесли большие потери. 4-я и 11-я танковые бригады впервые применили способ поражения непри-

ягельских танков из засады. Используя успех 1-го гвардейского корпуса, войска Брянского фронта отошли на указанные им рубежи⁵⁵.

Глубокий прорыв противника привел к образованию между 30-й и 19-й армиями Западного фронта бреши шириной до 30–40 км. Подвижные войска немцев, сосредоточивая свои главные усилия в полосе 19-й армии, создали угрозу выхода в тыл Западного фронта и прорвались к Вязьме. 3–4 октября в полосе 24-й и 43-й армий Резервного фронта сложилась еще более неблагоприятная обстановка, вынудившая отходить через Юхнов. Танковые соединения 4-й немецкой танковой группы устремились в направлении восточнее Вязьмы в тыл войскам Западного фронта.

Советское командование предпринимало ответные меры. Чтобы сорвать наступление врага, в 30-й и 16-й армиях провели артиллерийскую контрподготовку. Для восстановления положения генерал Конев передал командующему 30-й армией три дивизии и моторизованную бригаду. Одновременно из фронтового резерва он создал оперативную группу (пять дивизий и четыре танковые бригады), которую возглавил его заместитель генерал И. В. Болдин. Группа начала перегруппировку в направлении, где прорвались моторизованные корпуса Гота. Для противодействия дивизиям Гудериана, наступавшим в северном направлении, генерал Ерёмченко использовал часть своего резерва. На перемещение резервных дивизий в намеченные районы требовалось от одних до трех суток, но полное господство в воздухе немецкой авиации значительно увеличило этот срок.

Контрудар Западного фронта силами оперативной группы генерала Болдина успеха не имел. 4 октября соединения 19, 16 и 20-й армий Западного, 32-й и 24-й армий Резервного фронта оказались глубоко охвачены, а затем и окружены. Но своими активными действиями эти армии сковали значительные силы врага. На просьбу командующего Западным фронтом разрешить отход к Ржевско-Вяземскому оборонительному рубежу И. В. Сталин не ответил⁵⁶.

Чтобы прикрыть орловское направление, Ставка ВГК приказала выделить четыре авиадивизии РГК и стрелковый корпус. Туда же, а также на курское и харьковское направления по ее указанию началась переброска соединений 49-й армии Резервного фронта.

Тем не менее в донесениях от передовых немецких частей появились сведения, что сила сопротивления противника стала слабее и в больших масштабах вырисовывались явления разложения советских войск. Штаб 3-й танковой группы позднее сделал вывод о том, что «постоянные неудачи русских как в обороне и наступлении, так и при отходе, по-видимому, сломали его силу сопротивления»⁵⁷.

К исходу 4 октября острей танкового клина генерала Гота находилось уже в 60 км, а Гёпнера — в 70 км от Вязьмы. Удерживавшие позиции между флангами участков прорыва советские войска были удалены от города на 100–110 км.

Ставка ВГК понимала всю опасность обстановки, однако действовала нерешительно. Лишь 5 октября она начала осуществлять радикальные меры. В тот день Государственный Комитет Обороны (ГКО) отдал распоряжение поднять по боевой тревоге слушателей Военно-политической академии имени В. И. Ленина, курсантов шести военных училищ Москвы и Подольска с задачей занять позиции на Можайской линии обороны. Под Москву были направлены войска с соседних фронтов и из глубины страны.

В ночь на 6 октября Ставка ВГК приняла решение отвести войска всех трех фронтов на тыловые рубежи и передать 31-ю и 32-ю армии из Резервного в Западный фронт. Считая Г. К. Жукова единственным военачальником, способным восстановить положение, И. В. Сталин отозвал его из Ленинграда в Москву⁵⁸, направив в район действий Резервного фронта в качестве представителя Ставки⁵⁹.

Советские войска начали отход, но он оказался запоздалым. Горловина мешка под Вязьмой сузилась до 20 км. 7 октября она сомкнулась. Согласно оперативным данным, нанесенным на отчетную карту ОКХ 8 октября 1941 г., в котел попали части 19, 20, 24 и 43-й советских армий в составе двадцати трех стрелковых и трех танковых дивизий, а также отдельные части восьми стрелковых и двух танковых дивизий. Около шести стрелковых, одной танковой дивизий и одной танковой бригады вынуждены были действовать в разрозненных

Советские воины контратакуют. Западный фронт

Колонна советских бронбойщиков следует по московской улице

боевых порядках в районе деревень Медведки, Преображенское, севернее Спас-Деменска. Под Брянском окружение трех советских армий (50, 13 и 3-й) было завершено спустя два дня, 9 октября. Продолжая развивать наступление, противник 10 октября овладел Сычевкой, откуда нанес удар на Зубцов⁶⁰. Тяжелое положение создалось и на юхновском направлении, где отходили войска Резервного фронта.

Ситуация на московском направлении стала катастрофической. Почти все пути на столицу оказались открыты. В стратегической обороне образовалась брешь шириной до 500 км, закрыть которую было нечем. Стратегических резервов в районе Москвы не оказалось. Они были задействованы для восстановления обороны на юго-западном направлении.

10 октября 1941 г. Ставка ВГК приказала объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт и назначить командующим Западным фронтом Г. К. Жукова, а его заместителем — И. С. Конева⁶¹.

Для обороны орловско-тульского направления создавалась 26-я армия с непосредственным подчинением ее Ставке ВГК. В состав армии были включены части 1-го гвардейского стрелкового корпуса, остановившего продвижение танковых войск Гудериана у Мценска (49 км северо-восточнее Орла).

Командование Западного фронта старалось вывести войска из вяземского котла. Из отходивших и вновь прибывавших частей была создана группировка восточнее Гжатска. Ее контрудар в направлении Вязьмы, по замыслу командования, должен был оказать содействие войскам фронта в прорыве из окружения, который планировался на 10–11 октября.

Окруженные войска находились под непрерывным огнем противника. В особенно тяжелых условиях оказалась 24-я армия. Оба ее фланга были открытыми, а путь отхода — более трудный, чем у других армий: он проходил по П-образному коридору длиной свыше 40 км и шириной до 10 км. Отход прикрывала 139-я стрелковая дивизия (бывшая 9-я дивизия народного ополчения). Четверо суток ополченцы-москвичи под командованием генерала Б. Д. Боброва сражались на рубеже в 10–15 км юго-западнее Ельни, большинство из них погибли. 9 октября немцы перерезали последние пути отхода. Армия так и не смогла соединиться с силами 19-й армии. Основная масса частей и соединений 24-й армии была уничтожена или пленена. Под Семлёвым, что в 20 км юго-западнее Вязьмы, погиб генерал К. И. Ракутин — командующий 24-й армией, бывший начальник Прибалтийского пограничного округа⁶².

Под Вязьмой оборона слабела. Все меньше людей оставалось в строю. Боюприпасы были на исходе. Закончились продовольствие, медикаменты и перевязочные материалы. Палатки и крестьянские дома были переполнены ранеными. В таких условиях войска, которые возглавил генерал-лейтенант М. Ф. Лукин, неоднократно шли на прорыв окружения. Но силы сторон были неравными. 14 октября в сводке ОКХ появилась запись: «Противник, окруженный... западнее Вязьмы, полностью уничтожен». Однако на ежедневных отчетных картах генерального штаба сухопутных войск Lage Ost после указанной записи еще в течение более двух недель отмечалось, что от девяти до пяти немецких дивизий вели боевые действия с этим «уничтоженным» противником⁶³.

Картина завершившегося сражения была поистине трагичной. Офицер штаба 8-го армейского корпуса группы армий «Центр» передал свои впечатления от увиденного в отчете, подготовленном для командования соединения. В нем говорилось: «Наступил мороз, и выпал первый снег. Бесконечные потоки русских пленных шли по автострате на запад. Полны ужаса были трупные поля у очагов последних боев. Везде стояли массы оседланных лошадей, валялись имущество, пушки, танки». Значительными были и немецкие потери. Только один 8-й армейский корпус в период 2–14 октября 1941 г. потерял убитыми, ранеными, пропавшими без вести 4077 человек. Однако его части за то время пленили 51 484 советских военнослужащих и взяли в качестве трофеев 157 танков, 444 орудия и другое имущество⁶⁴.

Также мужественно пробивали вражеское кольцо окружения и армии Брянского фронта. Только 9 октября 1941 г. соединения 2-й армии генерала Вейхса смогли соединиться со 2-й танковой армией Гудериана северо-западнее Брянска, расчленив тем самым советскую

группировку на две части: северную — в районе Брянска, Дятьково (50-я армия) и южную — в районе Трубчевска, Суземки, Навли (13-я и 3-я армии).

Из окружения вышло множество мелких групп и отдельных военнослужащих. Прорывались и более крупные отряды. Так, 5 ноября на участке 16-й армии, уже под Волоколамском, через линию фронта пробилась группа в составе около 800 человек во главе с генералом И. В. Болдиным. 14 октября был тяжело ранен М. Ф. Лукин. У генерала оказались перебиты правая нога и рука, он потерял способность к передвижению и в бессознательном состоянии попал в плен.

Генералы Вейхс и Гудериан, решавшие задачу ликвидации брянского котла, имели на восемь дивизий меньше, чем использовали Гот и Гёпнер под Вязьмой. Поэтому и созданный ими фронт окружения оказался менее плотным. Это обстоятельство в определенной степени способствовало тому, что всем трем армиям Брянского фронта удалось вырваться из котла. Так, 20 октября пробилась из окружения 50-я армия. В район Белёва вышли штаб армии и остатки 217, 290, 299, 278, 258, 260 и 154-й стрелковых дивизий⁶⁵. В период с 20 по 23 октября войска фронта, которыми после ранения генерала А. И. Ерёмко стал командовать его заместитель генерал Г. Ф. Захаров, заняли оборону на рубеже Белёв — Поныри — западнее Фатежа.

К сожалению, советская авиация не смогла оказать реальной помощи окруженным войскам. Не было налажено должное снабжение отрезанных частей, плохо работала авиаразведка. Прорыв из окружения осуществлялся не в самых подходящих районах — именно там, где были сосредоточены мощные германские заслоны. Получилось, что немцы от воздушных наблюдателей хорошо знали обо всех намерениях окруженных, а те — ничего о своем противнике. У ВВС Красной армии не имелось необходимых средств для организации «воздушного моста», лишь эпизодически войскам сбрасывалось некоторое количество боеприпасов⁶⁶.

Сражения под Вязьмой и Брянском завершились. Исход их для советских войск оказался катастрофическим: в окружение также попали семь из 15 управлений армий, 64 из 95 дивизий, 11 из 13 танковых бригад, 50 из 62 артиллерийских полков РГК. Из этого числа в районе Вязьмы были окружены 37 дивизий, девять танковых бригад, 31 артиллерийский полк РГК и четыре полевых управления армий. Окруженные под Вязьмой войска входили в состав десяти армий. Вне общих котлов были окружены пять дивизий, четыре артиллерийских полка РГК, все остальные — под Брянском⁶⁷.

В окружении советские войска потеряли 6000 орудий и минометов, свыше 830 танков. Окруженные армии своей героической борьбой на три недели сковали от 48 до 26 дивизий противника. Более того, из котлов окружения сумели вырваться три полевых управления армий и 29 дивизий. Прорвались три дивизии из пяти, окруженных вне общих котлов⁶⁸.

Согласно предварительным оценкам ОКХ от 14 октября 1941 г., в плену оказались свыше 500 тыс. советских солдат и офицеров, были захвачены 3000 орудий, 800 танков и другая техника. Чуть позже, к 18 октября, 2-я полевая армия доносила о пленении 55 105 человек и захвате трофейного имущества: 477 орудий, 21 танка, 1066 автомашин и другой техники⁶⁹. В сводке германского верховного командования вскоре появились сообщения о взятии в плен 663 тыс. красноармейцев и командиров, уничтожении или захвате 1242 танков и 5412 орудий. По недавно опубликованным данным, за первые две-три недели боев под Москвой Красная армия лишилась до одного миллиона человек, из которых (по немецким источникам) около 688 тыс. пленными⁷⁰.

Подобный успех начала операции «Тайфун» вызвал взрыв восторга в Третьем рейхе. Впервые после начала восточного похода публично выступил Гитлер, который заявил: «Противник разгромлен и больше никогда не поднимется». Гигантские заголовки на первых страницах газет кричали: «Прорыв центра восточного фронта!», «Последние боеспособные дивизии Советов принесены в жертву»⁷¹. Все было настроено на то, чтобы не только в самом рейхе, но и за его пределами создать впечатление полного и окончательного триумфа Германии и поражения СССР. Однако германское командование переоценило результаты первых сражений.

Действия окруженных под Вязьмой и Брянском советских частей сыграли важную роль в спасении столицы. Для ликвидации двух огромных котлов группе армий «Центр» пришлось привлечь до 61% своих дивизий (48 из 78) и затратить на это от семи до 14 суток⁷². Было выиграно драгоценное время для организации обороны на Можайской линии и восстановления боеспособности Западного фронта.

В боях с противником приняли участие и бронепоезда частей 3-й дивизии НКВД по охране железнодорожных сооружений. Только один бронепоезд 76-го полка со 2 по 10 октября 1941 г. вывел из строя восемь вражеских танков⁷³.

К 10 октября линия фронта проходила примерно в 180 км к западу от Москвы. Наиболее опасное для советских войск направление в середине октября обозначилось на Можайском направлении. Именно там почти параллельно друг другу проходили железные и автомобильные дороги на Москву, и именно там моторизованные части вермахта, не задействованные в уничтожении окруженных советских войск, пытались прорваться по кратчайшему пути, который вел к советской столице. Осенняя распутица не прервала маневр немецких частей и переброску на этот участок высвобождавшихся из-под Вязьмы частей. В первом эшелоне продвигались 10-я танковая дивизия вместе с дивизией СС «Райх».

Нужно было срочно создать прочную оборону на рубеже Волоколамск — Можайск — Малоярославец — Калуга, развить оборону в глубину, сформировать вторые эшелоны и резервы фронта, чтобы можно было ими маневрировать для укрепления уязвимых участков обороны. Необходимо было организовать наземную и воздушную разведки и твердое управление войсками фронта, наладить материально-техническое обеспечение войск. «Дни и ночи шла в войсках напряженная работа, — вспоминал Г. К. Жуков. — Люди от усталости и бессонницы буквально валялись с ног, но, движимые чувством личной ответственности за судьбу Москвы, за судьбу Родины, проводили колоссальную работу по созданию устойчивой обороны войск фронта на подступах к Москве»⁷⁴. 13 октября командующий войсками Западного фронта отдал всем армиям приказ об упорной обороне занимаемых ими рубежей⁷⁵.

Германское командование скорректировало свои планы, решив одновременно с наступлением на Москву взять в гигантские клещи и уничтожить войска Северо-Западного фронта. Для этого 3-я танковая группа развертывала наступление на Калинин, Торжок, Вышний Волочек. Навстречу ей от Чудова предусматривалось нанести удар силами группы армий «Север». Эта операция, по мнению фельдмаршала Бока, должна была стать последним усилием в битве за Москву⁷⁶. Группе армий «Центр» предстояло развивать наступление силами 9-й и 2-й полевой армий на северо- и юго-восток, 4-й армии и 4-й танковой группе — на Москву, а 2-й танковой армии⁷⁷ — в обход ее с юго-востока.

В середине октября немецким генералам казалось, что дальнейшее наступление на Москву пойдет легко. Они были убеждены, что основные силы Красной армии западнее столицы уже разбиты. Следовательно, оставалось только продвигаться вперед и добывать разрозненные советские части. 14 октября 1941 г. штаб группы Бока издал новый приказ о продолжении операций на московском направлении.

Наступление группы армий «Центр» по расходящимся направлениям отнимало время и силы, необходимые для удара непосредственно на Москву. Более того, осуществить такое наступление уже не представлялось возможным. Удары на Торжок и Воронеж откладывались, но цель продвижения к Ярославлю и Рыбинску еще оставалась. Захват этих городов позволял германским войскам перерезать важнейшие транспортные артерии, связывавшие столицу с северными и северо-восточными районами Советского Союза, затруднить подход к ней резервов и подвоз военных материалов, в том числе поставляемых по ленд-лизу через Мурманск и Архангельск. Полное окружение Москвы 4-й армией вместе с 4-й танковой группой и 2-й танковой армией означало, по мнению фюрера, ее неминуемое падение. Капитуляцию столицы, согласно приказу ОКХ от 12 октября 1941 г., не должны были принимать. Город обрекался на уничтожение⁷⁸.

Положение войск Западного фронта вновь резко ухудшилось. Между Волгой и Гжатском образовался разрыв до 80 км, закрыть который было нечем. Войска правого крыла фронта

отводились на левый берег Волги. Соединения 22-й и 29-й армий заняли оборону от Осташкова до Старицы. Организация обороны на рубеже Калинин — Тургиново — Волоколамск возлагалась на 30-ю армию, которая отошла в этот район. Но оборонять Калинин было нечем. В городе имелись лишь курсы младших лейтенантов и отряд народного ополчения. Г. К. Жуков направил туда своего заместителя генерала И. С. Конева, приказав ему задержать на калининском направлении часть войск, перебрасываемых на Можайскую линию, и возглавить оборону. По приказу Ставки командующий Северо-Западным фронтом сформировал оперативную группу во главе с начальником штаба фронта генералом Н. Ф. Ватутиным, которая начала выдвигаться к Калинин.

Воспользовавшись несогласованностью действий советских войск, генерал К. Рейнгардт, спешно подтянув к Калинин свои силы, начал развивать наступление на Торжок. Но контрударом группы Ватутина они были разгромлены в районе поселков Марьино и Медное. 13 октября в Калинин развернулись тяжелые уличные бои. Удержать город имевшимися там силами не удалось. Утром 15 октября враг овладел большей частью города⁷⁹.

В октябре были приняты меры по усилению войск НКВД Московского гарнизона. Согласно приказу НКВД СССР от 7 октября 1941 г., была сформирована 2-я мотострелковая дивизия особого назначения (командир — генерал К. Р. Синилов), включавшая три мотострелковых полка, артиллерийский полк и танковый батальон (общей численностью 10 857 человек)⁸⁰, а также переформирована Отдельная мотострелковая дивизия особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского. Помимо этого, была сформирована Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН) (командир — полковник М. Ф. Орлов) общей численностью 4000 человек⁸¹.

В связи с приближением линии фронта к Москве и необходимостью наведения строгого порядка в тыловых участках фронта, прилегающих к Москве, по решению ГКО в составе НКВД был создан штаб охраны Московской зоны обороны. Зона охватывала территорию прифронтовой полосы, прилегающей к Москве по линии Калинин — Ржев — Можайск и Калуга — Тула — Коломна — Кашира. На штаб охраны Московской зоны возлагались задачи борьбы с вражеской агентурой и ее пособниками, дезертирством, наведения порядка на дорогах, идущих с фронта в столицу, контроля организации службы регулирования движения по трассам, обеспечения важнейших фронтовых органов ВЧ-связью⁸². Для выполнения оперативных-боевых задач выделялись нештатные оперативные батальоны, организованные за счет находившихся в Москве частей войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности, общей численностью около 6000 человек⁸³.

16 октября на базе истребительных батальонов был сформирован мотострелковый полк УНКВД, а остальные батальоны (9500 человек) были переданы на формирование дивизий народного ополчения.

На всех двенадцати ведущих в столицу шоссе в пределах 100 км организовывалась заградительная служба, для чего выделялись подразделения внутренних войск (от 300 до 600 человек).

В связи с решением ГКО по эвакуации Москвы центральные войсковые управления НКВД СССР были эвакуированы в г. Куйбышев. В Москве осталась группа руководящих работников в составе 17 человек, которая возглавила руководство всеми войсками НКВД, находившимися в столице⁸⁴. В состав оперативной группы при начальнике войск НКВД вошли: ОМСДОН, 2-я МСДОН, ОМСБОН, 11-я и 12-я дивизии по охране важных предприятий промышленности, 42-я отдельная конвойная бригада, 3-й полк местной противовоздушной обороны (МПВО), три бронепоезда (53, 73, 78-й) и другие части и подразделения.

Велась подготовка и для ведения уличной борьбы. В Москве был создан оборонительный рубеж, состоявший из трех полос, границы которых проходили по Окружной железной дороге, Садовому и Бульварному кольцам. Оборона города была возложена на части Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского и 2-й МСДОН, которые на случай прорыва войск противника получили задачу прикрыть город с северного и северо-западного направления между Ярославским и Можайским шоссе. Отдельная мотострелковая бригада особого назначения совместно с танковым батальоном и

артиллерийским дивизионом оставалась в резерве командования и должна была подготовиться к обороне центр Москвы — площадь Свердлова, Красную площадь, площадь Маяковского и площадь Пушкина — с целью не допустить прорыва противника через Садовое кольцо к центру и Кремлю. Кроме того, на все воинские части НКВД возлагалась задача поддержания общественного порядка и ведения беспощадной борьбы с паникой⁸⁵.

Ставка ВГК продолжила принимать меры по укреплению обороны на подступах к Москве. 17 октября был создан Калининский фронт во главе с генералом И. С. Коневым⁸⁶. Перед новым фронтом стояла задача не допустить дальнейшего продвижения противника к Москве, разгромить его группировку в районе Калинина. Образование Калининского фронта почти вдвое сократило полосу обороны Западного фронта. У генерала Жукова появилась возможность уделить больше внимания укреплению Можайской линии обороны. Все четыре укрепрайона, входившие в состав Можайской линии обороны, к 6 октября практически не были обеспечены войсками. Позиции занимали лишь наспех переброшенные туда части. Основу Малоярославецкого укрепрайона составили курсанты Подольских пехотного и артиллерийского военных училищ, личный состав запасного стрелкового полка, двух полков противотанковой обороны (ПТО), гаубичного артиллерийского полка и танковой роты. Основу Волоколамского укрепрайона — курсанты Пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР (1000 человек), личный состав двух батарей ПТО, батальон 33-й стрелковой бригады. Других боеспособных частей, способных помешать наступлению частей и соединений группы армий «Центр» на Москву, у советского командования на тот момент не было.

Несмотря на спешно принимаемые меры, Можайская линия обороны была еще слабой. По расчетам, она должна была обороняться 150 батальонами. Но к моменту подхода передовых частей противника ее занимали только 45 батальонов. Фланги и стыки Волоколамского, Можайского, Малоярославецкого и Калужского укрепленных районов остались неприкрытыми⁸⁷.

Бои на Можайской линии развернулись 10–16 октября. По мере высвобождения немецких дивизий из-под Вязьмы и подхода советских войск интенсивность боевых действий на этом рубеже возрастала. Частям 43-й армии удалось к 29 октября остановить противника на рубеже р. Нара и заставить его перейти к обороне.

Более тяжелая обстановка сложилась на калужском направлении. Малочисленные части формировавшейся в тот момент 49-й армии генерала И. Г. Захаркина не сумели сдержать натиск немецких соединений. 13 октября они оставили Калугу, и противник начал развивать наступление на Серпухов. Возникла опасность удара врага по Москве с юга. Угрозу требовало немедленно снять. Решить эту задачу имеящимися силами армия не могла. Ставка срочно перебросила под Серпухов четыре стрелковые дивизии и подчинила их генералу Захаркину. К 29 октября наступление противника на том участке было остановлено. Обе стороны закрепились на противоположных берегах Оки от Тарусы до Алексина⁸⁸.

Самые напряженные бои во второй половине октября проходили на можайском направлении — кратчайшем пути к Москве, что обусловило выбор главного удара противника. Сюда немецкое командование направило четыре из восьми своих корпусов⁸⁹. 18 октября отдел по изучению иностранных армий Востока в своей сводке констатировал: «В ходе боев последних дней под Малоярославцем, Вереей, Можайском, которые можно охарактеризовать как наиболее трудные за эту кампанию, высокая обороноспособность русских достигалась в основном за счет хорошего оборудования московских оборонительных позиций и использования большого количества тяжелых танков»⁹⁰. Особенно ожесточенными для 4-й армии противника оказались бои под Можайском с советской 17-й танковой бригадой в районе Медыни и переброшенной с Дальнего Востока 32-й стрелковой дивизией.

18 октября германская авиация нанесла массированный удар по Можайску и частям 5-й армии, а вслед за этим большая группа пехоты и танков атаковала 32-ю стрелковую дивизию. Под мощным натиском врага соединения 5-й армии были вынуждены оставить Можайск и Вереею. Одна из групп пехоты противника, поддержанная танками, прорвалась к командному пункту армии. Ее атаку отразили бойцы роты охраны и штабные работники, во главе которых сражался генерал Д. Д. Лелюшенко. В ходе боя командарм был тяжело ранен. Его эвакуировали

в госпиталь, а командование армией принял генерал Л. А. Говоров. В целях усиления обороны верейско-боровского направления командующий Западным фронтом приказал действия 222, 110, 113-й стрелковых дивизий и частей гарнизона Наро-Фоминска объединить под командованием 33-й армии. 22 октября в командование армией вступил генерал М. Г. Ефремов⁹¹.

В полосе 43-й армии противник продолжал штурм укреплений у сел Ильинское и Детчино, которые прикрывали Малоярославец с запада и юга. Там в течение восьми суток курсанты подольских военных училищ отбивали непрерывные атаки пехоты и танков врага. Немцам удалось окружить подразделения курсантов и части 312-й стрелковой дивизии и захватить Малоярославец. Но курсанты обороняли ильинский и детчинский секторы еще двое суток, пока не получили приказ командарма 43-й армии на отход за р. Нара.

На Брянском фронте встречными ударами частей группы генерала А. Н. Ермакова и 13-й армии при поддержке авиации удалось прорвать кольцо вражеского окружения. В результате войска генерала А. М. Городнянского переправились на восточный берег р. Свапа и к 22 октября заняли рубеж обороны к юго-западу от Фатежа⁹².

19 октября ГКО принял постановление о введении с 20 октября 1941 г. в Москве и прилегающих к городу районах осадного положения. Оборона столицы на рубежах, отстоявших на 100–120 км к западу, была поручена командующему Западным фронтом генералу армии Г. К. Жукову, а оборона Москвы на ее подступах — начальнику гарнизона Москвы генералу П. А. Артемьеву⁹³. Была повышена роль военного коменданта города и районных военных комендатур. Войска НКВД вели борьбу с вражескими агентами, сигнальщиками, диверсантами, нарушителями установленного порядка (светомаскировки, уличного движения, пропускного режима, паспортного режима), контролировали въезд в город и выезд из него, круглосуточно патрулируя и неся службу на контрольно-проверочных пунктах и заставах. Проведение всех этих мероприятий имело огромное значение, позволило обезвредить шпионско-диверсионную агентуру противника, пресечь распространение ложных слухов, деятельность паникеров и провокаторов. Так, с 14 по 31 октября шестью оперативными батальонами были задержаны 20 агентов противника и 296 распространителей ложных слухов⁹⁴.

В опубликованной 24 октября в «Красной звезде» статье генерала П. А. Артемьева «На защиту Москвы» говорилось: «Сильно укрепленный город взять невозможно. Мы должны сделать все для того, чтобы наша Москва стала крепостью. У нас есть, чем защищать нашу.. столицу. Вся эта могучая техника скажет свое грозное слово в этих боях. Население города Москвы вместе со всей Красной армией уже сейчас должно подготовиться к борьбе не только с вражеской пехотой, но и с вражескими танками. Из окон, из ворот домов, из каждого закоулка посыплется на немецкие танки бутылки с горючим, связки гранат. Мы не пропустим вражеских танков. В боях за Москву мы нанесем врагу такой удар, который явится началом конца гитлеровских походов, Москву мы отстоим!»⁹⁵

Немецкие войска к тому времени находились от Москвы на волоколамском направлении в 100–110 км, на Можайском, Наро-Фоминском и Подольском — в 80 км. Положение становилось все более угрожающим. Согласно постановлению ГКО, из столицы началась частичная эвакуация правительственных и партийных учреждений. Но в Москве оставались Политбюро ЦК партии, ГКО, Ставка ВГК. Руководя обороной столицы, они вселяли в сознание героических защитников Москвы уверенность в победе.

Войска Западного фронта продолжали бои с наступающим противником. Волоколамский участок Можайской линии прикрывала 16-я армия генерала К. К. Рокоссовского. В течение девяти дней она отражала удары танковых дивизий 46-го моторизованного корпуса. Но когда немцы ввели в сражение 5-й армейский и часть сил 40-го моторизованного корпуса, войска Рокоссовского были вынуждены оставить Волоколамск. К 30 октября они закрепились на рубеже в 3–4 км к востоку от города.

5-я армия по приказу Г. К. Жукова отвела на новый рубеж соединения, действующие на правом фланге, а центром и левым флангом закрепились на рубеже в 7 км восточнее Можайска. Части 33-й армии встали на рубеже деревня Петришево — р. Истья — 5–8 км западнее — юго-западнее Наро-Фоминска — восточный берег р. Нара южнее города. В район

дислокации прибыли 13 эшелонов 1-й гвардейской мотострелковой дивизии. 20 октября противник ворвался в северную часть Наро-Фоминска. Просачиваясь лесными массивами и выбрасывая воздушные десанты, немцы окружали город. Были захвачены военный городок, платформы Зосимова Пустынь и Бекасово, деревня Ивановка, перерезаны железная дорога на Москву, Кубинское и Киевское шоссе. Ожесточенные бои развернулись почти во всей полосе обороны 33-й армии⁹⁶.

23 октября 1941 г. немецкая авиация совершила ночной налет на Москву, аэродромы Кубинка и Внуково. Войска ПВО столицы успешно отразили его, сбив 19 вражеских самолетов⁹⁷.

Сопrotивление советских войск возрастало. Продвижение германских частей замедлилось. Среднесуточный темп наступления неприятеля упал с 30–40 км в первой декаде октября до 3–5 км во второй половине месяца⁹⁸. Все дальнейшие попытки врага прорваться к Москве по кратчайшему пути с запада оказались малоэффективными.

Избранная командованием Западного фронта тактика прикрытия основных направлений (в том числе главных дорог) заставляла части вермахта либо наступать на советские укрепленные позиции в лоб, либо обходить их по бездорожью. Более того, в тот период от командующих армиями в штаб группы армий «Центр» стала поступать тревожная информация об ожесточенных столкновениях с русскими танками.

Главной проблемой командующего 4-й армией фельдмаршала Х. Г. Клюге в конце октября — начале ноября 1941 г. были не размокшая почва и плохие дороги, а советские войска, контратаковавшие германские соединения. 2 ноября он доложил в штаб Бока: «На участке 34 пд 13 октября произошел бой между нашими легкими полевыми гаубицами и тяжелыми советскими танками (предположительно, 52-тонными), в ходе которого с расстояния от 500 до 25 метров по танкам было выпущено попеременно 30 бронебойных и бризантных снарядов и 10 снарядов 10-см образца 1939 г. Уничтожив три легких полевых гаубицы, семь средних и одну легкую противотанковую пушку, танки отошли назад... Несмотря на многочисленные попадания бронебойных снарядов, в том числе в башню, вражеские танки недостаточно быстро выводятся из строя и не пробиваются насквозь. В последнее время русские используют до 80% всех танков — танки Т-34. В случае атаки большого количества таких танков мы могли бы потерпеть локальное поражение»⁹⁹.

На орловско-тульском направлении для противника удачно сложился начальный этап операции. За первые четыре дня немцы продвинулись на 200 км. Но затем темп продвижения резко снизился. Ценой больших потерь в октябре 1941 г. немецким войскам удалось ворваться в Тульскую область. На пути к Туле их действия сковали соединения 50-й армии и 1-й усиленный стрелковый корпус под командованием генерала Д. Д. Лелюшенко.

Затратив шесть суток на последующие 49 км пути, враг вынужден был в районе Мценска перейти к обороне. Задержка противника дала возможность подготовить к обороне Тулу. Ставка ВГК, передав части и соединения 26-й армии в состав вышедшей из окружения 50-й армии Брянского фронта, 23 октября приказала последней оборонять тульское направление. Командующим 50-й армией был назначен генерал А. Н. Ермаков. Помимо соединений 50-й армии на прикрытие Тулы направлялись и части войск НКВД. В район Алексина был переброшен 115-й отдельный батальон 69-й отдельной бригады НКВД по охране важных предприятий промышленности. В течение 15–20 октября 1941 г. батальон отражал атаки противника, прикрывая отход советских войск. «Немцы сосредоточили против участка обороны батальона до полка пехоты с артиллерией и минометами. Три раза фашистское командование организовывало наступление против боевых порядков батальона, но каждый раз яростные атаки фашистов отбивались мужеством, упорством и героизмом обороняющихся. Попытки противника прорваться к г. Алексину не увенчались успехом, и, потеряв 400–500 человек убитыми и ранеными, фашистское командование должно было изменить свои планы»¹⁰⁰.

Для усиления ополченцев Тулы, сдерживающих противника в районе Черепети, командир 69-й бригады в спешном порядке сформировал оперативный батальон в количестве 410 человек и 19 октября направил его в район Черепети. Вслед за батальоном на станцию Черепеть 20 октября из Тулы прибыли рота 156-го полка и сводный истребительный отряд. 21 октября

«в течение 2—2,5 часов под прикрытием огня 8—10 минометов, 10—12 станковых пулеметов, нескольких противотанковых ружей и автоматов фашисты пытались развить наступление с фронта, но, несмотря на большие потери, которые несли от минометного огня противника наши обороняющиеся части, они стойко держали рубежи»¹⁰¹.

24 октября противник возобновил наступление на Тулу. Оно велось на город с трех сторон. Танковым дивизиям Гудериана удалось прорвать оборону защитников города. Обходя открытые фланги частей 50-й армии, противник приближался к Туле. 29 октября немцы захватили Ясную Поляну и поселок Косая Гора.

В это время в Туле не было крупных сил советских войск. В ней находились 732-й отдельный зенитный артиллерийский полк, 156-й полк 69-й бригады войск НКВД по охране важных предприятий промышленности, сформированный из истребительных батальонов и отрядов народного ополчения, Тульский рабочий полк и батальон милиции. Они и приняли на себя основную тяжесть вражеских ударов в первые дни обороны города.

По решению ГКО еще 22 октября 1941 г. был создан Тульский городской комитет обороны, в состав которого вошли начальник областного управления НКВД В. Н. Суходольский и командир 69-й бригады НКВД полковник А. К. Мельников. Штаб 69-й бригады находился непосредственно в Туле, а ее части (кроме 156-го полка и штабных подразделений) в это время дислоцировались в других районах. Город был разделен на пять оборонительных участков.

С утра 30 октября начались ожесточенные бои за Тулу. Только по Орловскому шоссе двинулось до 50 вражеских танков, сопровождаемых мотопехотой, поддержанных огнем артиллерии и минометов. Они обрушились на позиции, занимаемые 156-м и Тульским рабочим полками, которые поддерживал 732-й зенитный артиллерийский полк. Несмотря на значительное численное превосходство врага, первый натиск был отбит. В 10 часов немецкие войска предприняли вторую атаку, в 13 часов — третью, в 16 часов — четвертую. Однако достигнуть цели им так и не удалось. В первом же бою противотанковый расчет в составе красноармейцев С. Г. Шахова, М. П. Карпукова, П. Д. Андреева под командованием сержанта В. С. Тришкина подбил пять вражеских танков¹⁰². Вскоре противник повторил ряд атак, но с большими потерями был отброшен на исходные рубежи¹⁰³.

Контрудар советских войск, нанесенный 7 ноября силами 50-й армии со стороны города и 3-й армии из района к юго-западу от Тулы, расстроил планы противника. Немцы вынуждены были на десять дней прекратить наступление своими главными силами. В то время только 43-й армейский корпус пытался прорваться в тыл 50-й армии севернее Тулы. Этим Гудериан рассчитывал вынудить войска генерала А. Н. Ермакова оставить город. Однако совместными усилиями 49-й и 50-й армий и эта попытка врага была отбита. Удержав Тулу, ее защитники не позволили 4-й немецкой армии сократить протяженность своего 200-километрового фронта. Не могла выполнить задачу по обходу Москвы с востока и 2-я танковая армия Гудериана без риска подставить свой тыл под удар советских войск со стороны Тулы¹⁰⁴.

Благодаря быстрому подвозу резервов, заблаговременно подготовленным оборонительным сооружениям, умелому маневру силами, стойкости советских войск и твердому управлению ими перед наступающим противником встал новый фронт обороны. Группе армий «Центр» прорвать его не удалось. Они смогли только вытеснить армии Западного фронта с Можайской линии обороны. Потеряв наступательную мощь, немцы в конце октября перешли к обороне в 70—110 км к северо-западу и западу от Москвы.

Достигнув окраин Тулы, Серпухова, заняв Наро-Фоминск, Волоколамск, Калинин, германские части вынуждены были остановиться, чтобы пополнить передовые подразделения личным составом, привести в порядок материальные, продовольственные и боеприпасы. Стойкость советских частей на укрепленных рубежах Можайской оборонительной линии и на главных направлениях удара группы армий «Центр» стала неожиданностью для немецкого командования, она предопределила фиаско германского наступления во второй половине октября 1941 г. Группе армий «Центр» была необходима передышка для продолжения наступления. Это, в свою очередь, дало Ставке ВГК возможность перебросить на защиту столицы дополнительные соединения из восточных регионов СССР.

Во второй половине октября к Москве из тыловых районов страны и с других фронтов в спешном порядке подходили все новые эшелоны с войсками. Они практически с ходу вступали в бой. Это не замедлило сказаться на оперативной обстановке западнее столицы. К 22 октября перед фронтом группы армий «Центр» немецкая разведка насчитывала уже силы 38 стрелковых, восьми кавалерийских, двух танковых дивизий и 17 танковых бригад. Правда, отмечалось, что большая часть этих соединений была сосредоточена юго-западнее Москвы, под Калинином и севернее Ржева¹⁰⁵, а боеспособность их была различной.

Во всех донесениях говорилось об исключительной самоотверженности частей РККА. Упорство советских солдат в обороне удивляло немецких полевых командиров. Так, командование 5-го армейского корпуса в докладе об обстановке на фронте от 23 октября 1941 г. отмечало, что «316-я русская дивизия, которая осталась неразбитой и имеет в своем составе много хорошо обученных солдат, ведет поразительно упорную борьбу. Эта дивизия имеет много тяжелого пехотного оружия, сравнительно мало пехотной артиллерии, но все же имеет тяжелую артиллерию, и в некоторых местах она переходит в контратаки вместе с танками»¹⁰⁶.

Встреча передовых германских подразделений, продвигавшихся на Москву, со свежими советскими дивизиями никак не входила в расчеты командования вермахта. Еще 22 октября 1941 г. немецкая разведка отмечала, что в дальнейшем можно ожидать подхода к столице всего одной или двух дивизий с Кавказа и одной дивизии с Дальнего Востока и «до наступления зимы противник не имеет в своем распоряжении боеспособных резервов крупного масштаба»¹⁰⁷. В дальнейшем оказалось, что немцы глубоко заблуждались.

Октябрь 1941 г. — первый и один из самых трагических месяцев битвы за Москву. Обстановка, в которой пришлось действовать советским войскам, была крайне сложной, трудной. Красная армия, несмотря на то что две трети ее дивизий оказались во вражеских котлах, все же смогла воспрепятствовать намерениям врага. Окруженные войска более двух недель героически сражались с противником, сковав до 48 его дивизий, или 64% состава группы армий «Центр». За то время Ставка ВГК смогла подтянуть резервы, провести перегруппировку войск и вместе с остатками 32 дивизий, вырвавшимися из окружения, закрыть брешь в обороне Москвы. Тем самым бойцы и командиры окруженных под Вязьмой и Брянском группировок внесли великий вклад в общее дело защиты Москвы.

К концу октября наступление противника было остановлено. Вражеский «Тайфун», не достигнув своей цели, захлебнулся на Можайской линии обороны. Для подготовки наступления непосредственно на Москву немцам требовалась «сравнительно продолжительная, двух-трехдневная передышка... Это позволило бы обеспечить подвоз боеприпасов и продовольствия и подтянуть отставшие соединения, особенно артиллерию, застрявшую в пути»¹⁰⁸, а главное — перегруппировать танковые и моторизованные войска в интересах создания ударных групп на флангах Западного фронта.

Огромную помощь частям Красной армии, защищавшим подступы к столице, оказали героические усилия тружеников Москвы, денно и нощно не отходивших от станков. Внеесли весомый вклад в защиту столицы и бойцы сопротивления, не подлежавшие призыву, но вставшие в строй, героические партизаны и подпольщики, не давшие спокойной жизни немецким тылам, а также бойцы рабочих батальонов.

Лозунг «Все на защиту Москвы!» советский народ претворил в жизнь.

Героическая защита Москвы

Срыв попыток овладеть Москвой в октябре и неумолимое приближение зимних холодов заставляли германское командование спешить с возобновлением наступления на советскую столицу. 30 октября 1941 г. командующий группой армий «Центр» отдал приказ о продолжении операций. Основная идея замысла Бока: двумя подвижными группировками нанести удары

Расчет пулемета «Максим» на огневой позиции на подступах к Москве

Советские солдаты в траншеях в обороне на берегу Москвы-реки

по флангам Западного фронта и, обойдя Москву с севера и юга, замкнуть кольцо окружения восточнее города.

С севера удар наносили смежными флангами 9-я и 4-я полевые армии, а с юга и юго-востока — 2-я танковая армия. 9-й армии надлежало разгромить противника в нижнем течении р. Лама, захватить переправы через Волжское водохранилище¹⁰⁹ и в дальнейшем силами группы Рейнгардта развивать наступление в направлении канала Москва — Волга. Главным силам 4-й армии предстояло вести фронтальное наступление на столицу. 3-я и 4-я танковые группы были подчинены командующим 9-й и 4-й армиями соответственно, составляя основу ударных групп последних. Задача 2-й танковой армии состояла в обеспечении южного фланга всей группы армий «Центр».

Несмотря на то что соединения противника имели минимум необходимых материальных средств, они сохраняли преимущество над советскими войсками западного направления: в людях — в 2 раза, в танках — в 1,4 раза, в орудиях и минометах — в 2,4 раза. Зато по количеству самолетов советская авиация превосходила немцев в 1,5 раза¹¹⁰.

Готовилось к возобновлению активных боевых действий под Москвой и советское командование. Для усиления Западного фронта, выполнявшего главную задачу по обороне Москвы, а также для улучшения управления войсками Ставка ВГК с 10 ноября переподчинила 50-ю армию Брянского фронта командующему Западным фронтом, а 3-ю и 13-ю армии Брянского фронта с 11 ноября — Юго-Западному фронту. Весь штаб Брянского фронта был передан в распоряжение главкома Юго-Западного направления¹¹¹. В состав Западного фронта были переданы 2-й кавалерийский корпус генерала П. А. Белова и 112-я танковая дивизия полковника А. Л. Гетмана¹¹².

За первую половину ноября Западный фронт с учетом 30-й армии, переданной из Калининского фронта, получил 105 тыс. человек, 300 танков и 2,8 тыс. орудий. Всего в составе войск фронта насчитывалось 35 стрелковых, три моторизованные, три танковые, 12 кавалерийских дивизий и 14 танковых бригад.

Учитывая, что Западный фронт оборонял все кратчайшие подступы к столице, а наступление врага ожидалось в ближайшие дни, генерал армии Жуков потребовал строить деревоземляные огневые точки (дзоты) не только на переднем крае, но и в глубине обороны, а особое внимание уделить созданию противотанковых районов на участках Теряево, Ново-Петровское, Истра, Звенигород, Кубинка, Акулово, Наро-Фоминск, Серпухов и еще в 11 пунктах¹¹³.

16-я армия Западного фронта находилась на направлении вероятного главного удара врага. Учитывая это, генерал К. К. Рокоссовский сосредоточил основные усилия на удержании главной полосы обороны с массированием сил на волоколамско-истринском направлении, создал второй эшелон и общевойсковой резерв. Оборона была подготовлена на глубину 40–50 км. Создана развитая система противотанковой обороны. В батальонах, полках и дивизиях организовывались отряды истребителей танков. Устанавливались минно-взрывные заграждения. По сравнению с октябрём их плотность возросла с 95 до 540 противотанковых мин на 1 км фронта. Были подготовлены к разрушению (в случае возникновения такой необходимости) дороги, мосты, предусматривалось затопление пойм рек Истры, Сестры и Яхромы.

Большое внимание в это время уделялось устройству инженерных заграждений на танкоопасных направлениях. В работах по минированию коммуникаций участвовали и подразделения Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) войск НКВД. Ее сводный отряд производил минирование и закладку фугасов на Ленинградском, Пятницком, Волоколамском, Можайском, Наро-Фоминском, Остаповском, Подольском и Каширском шоссе, а также на грунтовых дорогах, которые противник мог использовать для наступления. В течение октября и в начале ноября 1941 г. отрядом было установлено 12 тыс. противотанковых и 8 тыс. противопехотных мин, заложено 160 фугасов, подготовлены к взрыву 67 км шоссежных дорог, 19 мостов и ряд других объектов¹¹⁴.

Командование Калининского фронта поставило перед армиями задачу прочно оборонять занимаемые рубежи и активными действиями сковать противника, не допуская переброски

Экипаж тяжелого танка КВ-1 под командованием лейтенанта Н. Киндера (*крайний справа*) из 17-й танковой бригады у своей боевой машины

САУ ЗиС-30 (57-мм противотанковое орудие ЗиС-2 на базе артиллерийского тягача А-20 «Комсомолец») на огневой позиции

его сил на московское направление. Штаб Брянского фронта составил план наступательной операции против тульской группировки врага¹¹⁵.

Все это происходило хотя и в период оперативной паузы, но при постоянных боях местного значения. Так, 11 ноября части 22-й армии Калининского фронта остановили в районе Селижарова продвижение противника, который вклинился в оборону на участке до 20 км по фронту и 10–15 км в глубину.

Главной же причиной затянувшейся оперативной паузы для группы армий «Центр» стало то, что ее войска находились под непрерывным воздействием контрударов советских войск¹¹⁶. Жуков пытался убедить Сталина в нецелесообразности их проведения, но безрезультатно¹¹⁷. В соответствии с распоряжением Ставки Западному фронту предписывалось упреждающими ударами сорвать наступление противника. Один из них требовалось «нанести в районе Волоколамска, а другой — из района Серпухова, во фланг 4-й армии немцев»¹¹⁸.

Генерал Жуков был вынужден отдать необходимые распоряжения 16-й и 43-й армиям и передать им все свои резервы. Однако это не привело к существенному изменению в соотношении сил. Оно по-прежнему оставалось в пользу противника. Это заставило К. К. Рокоссовского отказаться от второго эшелона, ликвидировать 13 противотанковых районов, уменьшить состав резерва. В итоге сократилась глубина оперативного построения армии и была существенно ослаблена противотанковая оборона. Для выполнения требований Сталина о немедленном нанесении контрудара генералы Рокоссовский и Захаркин были вынуждены начать атаку еще до подхода выделенных им резервов¹¹⁹.

Контрудар 49-й армии — это шестидневные ожесточенные бои с небольшим территориальным успехом и огромными потерями обеих сторон. Положительным в нем было то, что соединения правого фланга 4-й немецкой армии не смогли принять участия в наступлении на Москву¹²⁰.

Контрудар в районе Волоколамска из-за отсутствия времени на его подготовку, плохого управления войсками, неправильного применения конницы и легких танков оказался крайне неудачным. В результате 16-я армия понесла большие потери. Оборона ее была ослаблена¹²¹.

15 ноября группа армий «Центр» возобновила наступление на Москву. Ее войска вводились в сражение в течение пяти суток. Среди причин, обусловивших разновременность перехода в наступление, были и действия советских партизан. Они разрушали железные дороги и мосты, минировали шоссе, взрывали склады с боеприпасами и горючим, срывали снабжение. В результате группа армий вместо 70 эшелонов, составлявших суточную потребность войск в материальных средствах, в середине ноября получала только 23¹²².

Поддержка наступления группы армий «Центр» со стороны соседних группировок по-прежнему отсутствовала. Бок упрекал командующего 6-й армией фельдмаршала В. Рейхенау, а также командующего группой армий «Север» фельдмаршала Лееба в том, что они никаким образом не содействовали удару его соединений¹²³. В результате, 2-я и 9-я полевые армии по мере наступления главных сил группы на Москву вынуждены были планировать частные операции для прикрытия растягивавшихся флангов группы армий «Центр».

По-существу, основная тяжесть наступательных операций ложилась на три танковых объединения — 3-ю и 4-ю танковые группы и 2-ю танковую и 4-ю полевую армии. Сила их была еще велика, но в середине ноября Бок стал беспокоиться, что противник может преподнести сюрприз, перебросив под Москву свежие силы с других участков фронта¹²⁴. Группа армий «Центр» резервов не имела. Однако Бок верил в новый решительный успех своих войск. Ноябрьское наступление германской армии на Москву, по его мнению, должно было привести вермахт к окончательной победе. Взятие столицы и подавление остатков сопротивления Красной армии, как казалось немецкому командованию, было делом ближайших дней.

Погода благоприятствовала атаке. Солдаты и техника начали продвигаться на восток по мерзлой и твердой, словно камень, земле, лишь слегка припорошенной снегом. Даже когда солнце достигло зенита, оно было едва ощутимо и не давало никакого тепла. Небо было ясное. Метели не предвиделось до конца месяца. Никаких ограничений действий германской авиации не было.

Немецкие солдаты на привале во время битвы за Москву

15 ноября начался поистине кульминационный период кампании 1941 г. Он не был продолжительным. С начала возобновления немецкого наступления на Москву 15–19 ноября до перехода Красной армии в контрнаступление 5–6 декабря 1941 г. прошло чуть больше чем полмесяца. Но именно за то время сила германских соединений, наступавших на Москву, основанная на их численном превосходстве, профессионализме германских солдат и офицеров, была превзойдена стойкостью советских воинов и экстренными мерами военно-политического руководства по мобилизации ресурсов на отпор врагу.

16–17 ноября 4-я и 3-я немецкие танковые группы перешли в наступление, нанося главный удар по войскам 16-й армии. На фронте 35–40 км наступали четыре танковые, одна моторизованная и одна пехотная дивизии, общей численностью до 400 танков, поддержанные авиационной группой «Восток», совершавшей свыше 200 самолето-вылетов в сутки. Первыми приняли на себя удар центр и левый фланг 16-й армии. Удар основных сил противника пришелся между 316-й стрелковой дивизией и кавалерийской группой генерала Л. М. Доватора, имея задачу создать брешь в советской обороне и ввести в сражение танковые дивизии.

Для срыва вражеского наступления 16-я армия подготовила контрудар во фланг и тыл 4-й танковой группы. Времени на его подготовку было недостаточно, поэтому перегруппировка и развертывание выделенных для этого войск закончились лишь к рассвету 16 ноября. Утром танковая, стрелковая и четыре кавалерийские дивизии нанесли удар на правом фланге армии. Контрудар 16-й армии совпал по времени с началом немецкого наступления против центра и левого фланга армии. Таким образом, 16-я армия на одном из своих флангов вела наступательные, а на другом оборонительные действия.

Контрудар 16-й армии представлял собой практически неподготовленное наступление на противника, изготовившегося к нанесению своего удара и имевшего превосходство в живой силе и артиллерии в 2,4–3 раза, а в танках — в 10 раз. Это был первый бой частей фронтового резерва, еще недостаточно сплоченных. Действуя на открытом пространстве, кавалерийские части нередко в упор расстреливались артиллерийским и пулеметным огнем противника, что привело к большим потерям и значительно ослабило оборону. В результате контрудара 58-я танковая дивизия потеряла 139 танков (70,2% их общего числа), 17-я кавалерийская дивизия — 75% своего личного состава, а продвинулись они всего на 3–4 км¹²⁵.

Соединения, действовавшие на левом фланге 16-й армии, под мощными ударами противника несли большие потери и были вынуждены отходить. Большой урон был нанесен 17-й кавалерийской дивизии, принявшей на себя удар до 80 танков врага. Особенно ожесточенный бой происходил в полосе обороны 316-й стрелковой дивизии И. В. Панфилова и 50-й кавалерийской дивизии. Четыре часа длился бой у разъезда Дубосеково. Герои-панфиловцы остановили 50 вражеских танков, прорвавшихся к Волоколамскому шоссе¹²⁶. Утром 16 ноября по позициям 1077-го стрелкового полка удар нанесла вражеская авиация, после чего противник попытался овладеть позициями полка. Умелыми действиями первые атаки были отражены. Затем враг ввел в бой 20 танков и новую группу пехоты. Гранатами, бутылками с горючей смесью и огнем в упор из противотанковых ружей панфиловцы подбили 14 танков. Остальные были вынуждены отойти.

Не дав передышки нашим бойцам, противник бросил в бой еще 30 боевых машин. Перевес сил явно был на стороне наступавших. Политрук Клочков обратился к бойцам со знаменитыми ныне словами: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва!». В жестоком неравном бою один за другим гибли герои. Так, тяжело раненный политрук Василий Клочков со связкой гранат бросился под вражеский танк и уничтожил его.

Бой героев-панфиловцев у разъезда Дубосеково явился образцом стойкости и мужества. Продвижение противника было задержано, что дало возможность другим частям дивизии занять и подготовить новые оборонительные позиции.

Беспримерное мужество проявили воины 2-й батареи 871-го противотанкового артиллерийского полка при отражении атаки 11-й танковой дивизии противника около деревни Матренино. В ходе боя весь расчет одного из орудий батареи был ранен, но продолжал вести бой, пока атака противника не захлебнулась.

Артиллерийские расчеты советских войск готовятся открыть огонь из трофейных немецких 50-мм орудий во время битвы за Москву

Советские солдаты ведут бой в лесу под Москвой

В итоге тяжелых боев 16 ноября части 316-й стрелковой дивизии были вынуждены отойти на новый рубеж Ченцы — ст. Матренино. Продолжали стойко удерживать свои рубежи кавалерийская группа генерал-майора Доватора, 18-я и 78-я стрелковые дивизии. Ожесточенные бои на волоколамско-истринском направлении продолжались и в последующие дни. Противник прорывался к Ново-Петровскому. Двумя группами танков, преодолев оборону 50-й и 53-й кавалерийских дивизий, он вышел в район Покровское, Гряды¹²⁷. Но дальше продвинуться враг не смог.

4-я танковая группа повсюду встречала беспримерные стойкость и мужество частей и соединений 16-й армии. За три дня наступления она смогла вклиниться в оборону армии всего на 4–6 км.

Самолеты люфтваффе продолжали попытки прорваться к Москве. В течение 17–19 ноября средства ПВО столицы отразили 20 налетов, в которых участвовало 145 самолетов противника¹²⁸. Неудачными оказались и атаки немецкой авиации на советские аэродромы. Боеспособность многих авиачастей люфтваффе снизилась до критической отметки. Они теряли самолеты как в воздухе, так и на земле. Господства в воздухе немецкая авиация в ноябре так и не добилась. Неспособность люфтваффе в должной мере поддерживать наземные части вермахта снижала темпы продвижения групп армий «Центр» к советской столице, отрицательно влияла на моральное состояние германских военнослужащих. Так, командование 4-й танковой группы отмечало: «Налеты русских бомбардировщиков и штурмовиков причиняют большие потери. В войсках недовольны отсутствием нашей авиации»¹²⁹.

Нанесение контрударов армиями Западного фронта в первой половине ноября негативно сказалось на их обороноспособности. На проведение контрударов были брошены все резервы Западного фронта. До 20 ноября генерал Жуков был лишен возможности оперативно парировать удары врага и эффективно влиять на ход сражения. Когда же резерв был восстановлен, немцы уже обошли оба фланга 16-й армии, создав угрозу ее тылу и захвата Клина. Противодействие врагу оказалось запоздалым по времени и неадекватным по силе. Ведь на правом крыле Западного фронта противник нанес удар в направлении Клина и Солнечногорска силами шести танковых и пяти пехотных дивизий, стремясь окружить соединения 30-й и 16-й армий, а наступлением на Звенигород обеспечить ударную группировку с юга.

23 ноября Клин и Солнечногорск были захвачены противником. Немцам открылись пути не только для обхода Москвы с севера, но и для удара непосредственно по ней¹³⁰. «Чтобы не подвергать наши войска угрозе окружения, в ночь на 24 ноября их пришлось отвести на следующую тыловую рубеж. После тяжелых сражений 16-я армия отошла от Клина. В связи с потерей Клина образовался разрыв между 16-й и 30-й армиями, который прикрывался лишь слабой группой наших войск», — вспоминал Жуков¹³¹.

Ситуация становилась критической. Ставка ВГК решила начать переброску под Москву семи резервных армий из тех десяти, что с начала месяца готовились к контр наступлению Красной армии. Так, 10-я резервная армия генерала Ф. И. Голикова к вечеру 2 декабря была сосредоточена в районе Рязани, Канина, Шилова с задачей не допустить выдвижения противника на Рязань¹³².

Московский военный округ срочно формировал оперативную группу под командованием Героя Советского Союза полковника А. И. Лизюкова¹³³. Группа была выдвинута к северу от Москвы в район поселка Красная Поляна. Четыре кавалерийские дивизии и стрелковый полк под общим командованием генерала Л. М. Доватора перекрыли пути на Москву юго-западнее и южнее Солнечногорска. Туда же выдвинулись 133-я и 7-я гвардейская стрелковые дивизии, 19, 29, 145, 146 и 24-я танковые бригады, 126-й и 138-й отдельные танковые батальоны. Из зенитных частей 1-го корпуса ПВО были сформированы две противотанковые группы. Батареи (64 зенитных орудия и 43 пулемета) группы полковника Д. Ф. Гаркуши были развернуты южнее Солнечногорска вдоль Ленинградского шоссе, а группа (20 орудий и пять пулеметов) майора С. Л. Спиридонова — восточнее Клина¹³⁴.

Для сдерживания противника до подхода резервных соединений в район Клина и Солнечногорска были брошены три оперативно-инженерные группы, созданные по приказу

В засаде. Московское направление

В засаде «сорокапятка» — 45-мм противотанковая пушка

Передовые части 11-й немецкой танковой дивизии под Волоколамском, в 100 километрах от Москвы

Немецкие солдаты устанавливают дорожные указатели

Ставки за счет объединения саперных и инженерных батальонов. Саперы разрушали Ленинградское шоссе и дороги, шедшие от него на восток, взрывали мосты, устанавливали мины и фугасы, устраивали завалы¹³⁵. Общими усилиями наступление дивизий Гёпнера из района Солнечногорска было задержано на пять суток.

Чтобы лишить германские войска возможности располагаться в населенных пунктах, Ставка ВГК 17 ноября 1941 г. обязала «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог». При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке «уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать»¹³⁶. К 25 ноября было сожжено полностью или частично 53 населенных пункта¹³⁷.

Основные усилия Бок сосредоточил в полосе наступления 4-й танковой группы. 24 и 25 ноября ее соединения приступили к форсированию р. Истра. Полки 78-й стрелковой дивизии полковника А. П. Белобородова, сдерживавшие врага на рубеже 3–4 км к западу от г. Истры, обеспечив отвод соединений 16-й армии, отошли. Чтобы задержать гитлеровцев, командование армии распорядилось открыть водоспуски плотины Истринского водохранилища. Водяной поток высотой около 2,5 метра устремился вниз по долине Истры на 50 км. Уровень воды в водохранилище резко упал. Лед перестал выдерживать тяжелые автомашины. Немецкое командование вынуждено было на несколько часов отложить форсирование Истры¹³⁸. Тем не менее 26 ноября участок советской обороны в районе Истринского водохранилища был уже в руках захватчиков. Бой за город продолжался день и всю ночь, борьба шла за каждую улицу, каждый дом. Новоиерусалимский монастырь трижды переходил из рук в руки. Однако Истру удержать не удалось¹³⁹.

В результате немецкие соединения вышли на ближние подступы к Москве. Бои шли уже в районе дачных поселков, в окрестностях города. Окружение столицы отошло на второй план, германское командование жаждало поскорее ворваться в ее кварталы и добить советские части на городских улицах. Удары соединений группы армий «Центр» следовали один за другим. Участок боевых действий северо-западнее Москвы стал решающим для противоборствовавших сторон. Немцы стремились открыть себе путь к столице по важнейшим транспортным магистралям с твердым покрытием. Захват Истры, Клина и Солнечногорска, казалось, позволял им исполнить задуманное.

Штаб дивизии СС «Райх» полагал, что после захвата Истры устранен «самый важный опорный пункт последнего фронта обороны западнее Москвы», а впереди остаются лишь арьергарды советских частей, отступавших на восток¹⁴⁰. Основной задачей 4-й танковой группы в сложившейся обстановке стало максимально возможное расширение захваченной территории.

Г. К. Жуков вспоминал: «Западный фронт нашей обороны выгибался дугой — образовались очень слабые места. Казалось, вот-вот случится непоправимое. Но нет! Войска стояли насмерть, а получив подкрепление, вновь создавали непреодолимый фронт обороны»¹⁴¹. Однако восточнее Клина остановить немцев не удалось. Под натиском 3-й танковой группы соединения и части, действовавшие на левом фланге 30-й армии, отходили к северу. На ее стыке с 16-й армией образовался разрыв, через который вражеские части развили наступление в направлении канала Москва — Волга. В ночь на 28 ноября они захватили мост через канал у Яхромы и образовали плацдарм на восточном берегу. В то же время 4-я танковая группа усилила давление на 16-ю армию и потеснила ее части. 30 ноября противник занял поселок Красная Поляна, подойдя к столице на пушечный выстрел. Днем и ночью шли ожесточенные бои на рубеже современного аэропорта Шереметьево, железнодорожной станции Крюково, Дедовска (14 км юго-восточнее Истры)¹⁴².

На южных подступах к Москве обстановка также была напряженной. С 18 ноября здесь наступала 2-я немецкая танковая армия. Ее главный удар, как и севернее столицы, был направлен в соединение двух фронтов. Прорвав слабую оборону левого фланга 50-й армии, немцы устремились в обход Тулы с востока. К исходу 25 ноября они достигли рубежа в 6 км к

Верховный главнокомандующий, Председатель Ставки ВГК

И. В. Сталин

Начальники Генерального штаба РККА в 1941–1943 гг.

Г. К. Жуков

Б. М. Шапошников

А. М. Василевский

Командующие фронтами в 1941–1943 гг.

И. Р. Апанасенко

П. А. Артемьев

И. Х. Баграмян

И. А. Богданов

С. М. Будённый

А. М. Василевский

Н. Ф. Ватутин

К. Е. Ворошилов

Л. А. Говоров

Ф. И. Голиков

В. Н. Гордов

А. И. Еременко

Г. К. Жуков

Г. Ф. Захаров

П. А. Курочкин

Р. Я. Малиновский

И. И. Масленников

М. А. Пуркаев

М. А. Рейтер

К. К. Рокоссовский

Д. Т. Козлов

И. С. Конев

Ф. Я. Костенко

К. А. Мерецков

И. Е. Петров

М. М. Попов

В. Д. Соколовский

С. К. Тимошенко

Ф. И. Толбухин

И. В. Тюленев

И. И. Федюнинский

В. А. Фролов

М. С. Хозин

Я. Т. Черевиченко

Н. Е. Чибисов

Командующие флотами в 1941–1943 гг.

Л. А. Владимирский

А. Г. Головкин

Ф. С. Октябрьский

Ф. В. Трибуц

И. С. Юмашев

югу от Каширы. Но дальше продвинуться не смогли. Неожиданно сильный контрудар корпуса генерала П. А. Белова заставил противника перейти к обороне. Не увенчалась успехом и попытка Гудериана овладеть Тулой с востока и северо-востока. Наступление его частей было остановлено войсками 50-й армии. Но 22 ноября юго-восточнее Тулы немецкая танковая группа «Эбербах» прорвалась к Сталиногорску (Ново-Московск) и, как записано в оперсводке ОКХ, овладела «незанятым противником городом». Ставка ВГК сняла с должности командующего 50-й армией генерала А. Н. Ермакова, а вместо него назначила генерала И. В. Болдина¹⁴³.

Накал борьбы уже достигал своей кульминации. Пытаясь снять напряжение, 27 ноября И. В. Сталин приказал командующему Калининским фронтом генералу И. С. Коневу нанести удары по противнику, чтобы «облегчить положение Западного фронта, войска которого обливаются кровью»¹⁴⁴. Выполняя указания ВГК, две стрелковые дивизии, четыре стрелковых полка и семь батальонов 22, 29 и 31-й армий Калининского фронта нанесли контрудар по частям 9-й полевой армии противника¹⁴⁵.

Кроме того, Ставка ВГК передала Западному фронту из своих тщательно сберегаемых резервов две армии. Г. К. Жуков сразу же ввел их в сражение между 30-й и 16-й армиями. Контрударом части сил 1-й ударной армии (29-я, 50-я стрелковые и 21-я танковая бригады) прорвавшаяся через канал Москва — Волга в районе Яхромы группировка противника была отброшена на западный берег¹⁴⁶. Активные действия 20-й армии сковали врага на рубеже, проходившем через Красную Поляну.

В тяжелейших условиях продолжала находиться 16-я армия, от которой во многом зависела судьба Москвы. «Особенно упорно дрались стрелковые дивизии 16-й армии: 316-я генерала И. В. Панфилова, 78-я генерала А. П. Белобородова и 18-я московская дивизия народного ополчения генерала П. Н. Чернышева, отдельный курсантский полк С. И. Младенцева, 1-я гвардейская, 23, 27, 28-я отдельные танковые бригады и кавалерийская группа генерала Л. М. Доватора»¹⁴⁷, — вспоминал Г. К. Жуков. Он укреплял соединения и части 16-й армии всем, чем только мог.

Наконец, командующий Западным фронтом пошел на хитрость. По его приказу от каждой дивизии четырех армий, оборонявших центральный участок фронта, в 16-ю армию было направлено по одному взводу солдат. Их бросили в бой. По документам, найденным на месте боев, и опросам взятых «языков» немцы сделали вывод о том, что советское командование перебросило сюда дивизии, которые ранее противостояли 4-й армии, и что этим русские оголили центр фронта¹⁴⁸. Такой «выгодный» момент Бок упустить не мог: наступил момент для решающих ударов по Москве. Тем более что немецкие соединения на рогачевско-дмитровском, солнечногорском и истринском направлениях вышли в районы, удаленные от города всего на 25–35 км.

Особенно опасная обстановка создалась в 16-й армии в районах Крюкова и Нахабина, где сильно ослабленные кровопролитными боями 8-я, 9-я гвардейские и 18-я стрелковые дивизии вели поистине героическую борьбу с главными силами 4-й танковой группы противника¹⁴⁹. К исходу дня, когда фашисты заняли поселок Красная Поляна, их отделяло от Кремля расстояние в 30 км, от Владыкина (северная граница города тех лет) — 18 км и от МКАД в районе Лианозова (современной границы столицы) — 12 км. При таком удалении противника Москва могла превратиться в объект разрушения вражеской артиллерией.

Идея замысла командующего группой армий «Центр» сводилась к нанесению одновременных ударов по столице не только с севера и юга, но и с запада. С этой целью предусматривалось силами 4-й армии прорвать оборону в районах Звенигорода и Наро-Фоминска и, наступая по сходящимся направлениям на Кубинку и Голицыно, окружить и уничтожить войска 5-й и 33-й армий. А в дальнейшем развить наступление непосредственно на Москву вдоль Минской автострады и Киевского шоссе.

Утром 1 декабря после артиллерийской и авиационной подготовки немцы по всему фронту перешли в наступление на Москву. За двое суток они добились ощутимых успехов. На участках прорыва они вклинились в оборону 5-й и левого фланга 33-й армий на 4–9 км, а на правом ее фланге, севернее Наро-Фоминска, даже на 25 км¹⁵⁰.

Командир 4-й танковой (1-й гвардейской) бригады
генерал Михаил Ефимович Катуков (*слева*) стоит на броне танка КВ-1

Советские солдаты-вожатые ведут собак-истребителей танков

Советская пехота на оборонительных позициях

Танки направляются к линии фронта

Советские артиллеристы в минуты отдыха во время битвы за Москву

Войска Западного фронта вели активную оборону, нанося контрудары по наступавшему противнику. Неудача постигла 3-ю немецкую танковую группу. Ее части, не выдержав контратак 1-й ударной армии, вынуждены были отойти. 4-я танковая группа, встретив упорную оборону частей 20-й и 16-й армий, также не смогла продвинуться к Москве. Напряженные бои разгорелись за Красную Поляну, станцию Крюково и село Рождествено (3 км западнее Дедовска). Отдельные населенные пункты по нескольку раз переходили из рук в руки. К 5 декабря части генерала Гёпнера были окончательно остановлены в 15–20 км от главного рубежа Московской зоны обороны (современной границы Москвы).

Командование Западного фронта, передав в распоряжение 33-й армии фронтовые резервы (18-ю стрелковую бригаду, 136-й и 148-й отдельные танковые батальоны и два лыжных батальона), приказало командарму с утра 3 декабря нанести контрудар, ликвидировать прорвавшегося в район Юшково противника и полностью восстановить положение. Одновременно 20-й армии предписывалось с 7 часов 3 декабря перейти в наступление на Солнечногорск; 30-й армии — с утра 6 декабря перейти в наступление всеми силами на Новозавидовский, Рогачево и Клин, охватывая вражескую группировку с севера¹⁵¹.

3 декабря на всем Западном фронте продолжались ожесточенные бои. 331-я стрелковая дивизия и 28-я стрелковая бригада 20-й армии вели наступление на Красную Поляну, Владычино (5 км западнее Красной Поляны). К исходу дня наступавшие части достигли рубежа Носово — Шемякино (1,5–3 км южнее и юго-западнее Красной Поляны), где были остановлены противником.

Соединения и части 16-й армии отражали сильные удары противника. 7-я и 8-я гвардейские стрелковые дивизии в течение всего дня упорно сражались за Крюково. Бои не прекращались и ночью. 9-я гвардейская стрелковая дивизия сдерживала натиск противника на рубеже восточная окраина Нефедьево — Селиваниха — восточнее Рождествено, в 1,5–3 км от Дедовска. Части 5-й армии отбили все попытки гитлеровцев прорваться через Акуловский узел сопротивления к Кубинке.

Контрударная группировка 33-й армии к исходу дня выбила противника из района Юшково, Петровское, Бурцево. Подвижная группа генерала П. А. Белова продолжала вести бой южнее Каширы и к исходу дня вышла в район Пряхино (3,5 км северо-восточнее Мордвеса). На тульском направлении мотопехота и танки врага утром 3 декабря перерезали в районе Ревякино (15 км севернее Тулы) железную дорогу Тула — Москва¹⁵². 1-я ударная и 20-я армии нанесли сильные удары по врагу и выбили его из населенных пунктов Ольгово (9 км западнее Яхромы) и Озерецкое (5 км севернее Красной Поляны). В полосе только 20-й армии противник потерял 18 танков, восемь бронемашин, шесть орудий и свыше тысячи солдат и офицеров¹⁵³.

4 декабря обстановка под Москвой достигла наивысшего напряжения. Наступательные возможности противника иссякали. На ряде участков фронта немцы, не выдерживая контрударов советских войск, откатывались на исходные позиции или переходили к обороне без приказа своего командования. Части 1-й ударной армии, преодолевая упорное сопротивление противника, вели уличные бои в центре Яхромы. Одновременно, продвинувшись на 10–12 км от канала, они обходили Яхрому с юга и юго-запада. 20-я армия вела бои за овладение рубежом Белый Раст — Красная Поляна¹⁵⁴. 16-я армия, удерживая занимаемые рубежи, наносила удары в направлении Крюково, Шеметово, Рождествено. При этом 8-я гвардейская стрелковая дивизия с приданными ей 159-м полком 7-й гвардейской стрелковой дивизии и 1-й гвардейской танковой бригадой вела ожесточенный уличный бой в Крюкове. Бой шел за каждый дом. К 17 часам дивизия заняла юго-восточную окраину Крюкова и вела борьбу за западную окраину поселка. Части 5-й армии выбили противника из Акулова, где остались 34 подбитых танка и сотни трупов вражеских солдат. К концу дня брешь в обороне севернее Наро-Фоминска была закрыта.

На левом крыле Западного фронта гитлеровцы, заняв деревню Севрюково (12 км севернее Тулы), перерезали шоссе на Москву. Чтобы замкнуть кольцо окружения вокруг Тулы, вражеским группировкам, наступавшим навстречу друг другу, оставалось всего 5–6 км.

Однако преодолеть этот отрезок им не удалось. 340-я стрелковая дивизия, переданная из 49-й армии в 50-ю, нанесла контрудар и, овладев Руднево (15 км северо-восточнее Тулы), отрезала 4-ю танковую дивизию противника от главных сил Гудериана¹⁵⁵.

Утром 5 декабря противник предпринял последнюю попытку решить исход боев северо-восточнее Тулы в свою пользу. Введя в бой 31-ю пехотную дивизию, ему удалось вклиниться в оборонительные порядки 258-й стрелковой дивизии, прикрывавшей правый фланг 50-й армии на глубину до 4 км, и захватить Луковицы. Последующие атаки противника были отбиты.

В такой кризисной обстановке под Каширой и Тулой Гудериан не мог получить помощи от соседа справа — 2-й полевой армии, основные силы которой были втянуты в затяжные бои с войсками 3-й и 13-й армий Юго-Западного фронта. И хотя после двухдневных ожесточенных боев частям 34-го армейского корпуса удалось захватить Елец, это был его последний успех. Наступательные действия на южном крыле группы армий «Центр» вследствие усиления сопротивления советских войск были прекращены¹⁵⁶.

За 20 дней второго наступления противник продвинулся на 80–90 км севернее Москвы и на 110 км к югу от нее.

5 декабря Бок отдал распоряжение командующим 4-й армией, 4-й и 3-й танковыми группами начать подготовку к возможному отходу: «На случай, если последует приказ на частичный отрыв от противника и занятие обороны, группа армий устанавливает следующий общий рубеж: Нарские пруды — течение р. Москва — Каринское — Истринское водохранилище — Сенежское озеро — район восточнее Клина — левый фланг 36 мд в районе Волжского водохранилища»¹⁵⁷. Но на рассвете 5 декабря соединения левого крыла Калининского фронта, а в 14 часов и правого фланга 5-й армии Западного фронта нанесли мощные удары по германским частям. Началось контрнаступление советских войск под Москвой.

Советские войска сумели остановить мощную немецкую группировку буквально у стен столицы, укротив вражеский «Тайфун». Завершился оборонительный период Московской битвы. План окружения и захвата советской столицы потерпел полный провал. Противник под Москвой был остановлен окончательно. Подобный успех обеспечили следующие существенные факторы:

- стойкость и героизм советских солдат и офицеров, бойцов народного ополчения, курсантов военных училищ, всего народа;
- ввод стратегических резервов: Ставке удалось создать по существу новую стратегическую группировку, которая превысила состав армий, начавших оборонительные операции под Москвой. Упустив выгодный момент в октябре, группа армий «Центр» окончательно утратила все шансы на успех;
- переход оперативного господства в воздухе к советской авиации;
- повышение эффективности управления войсками со стороны Ставки и командования Западного фронта, которые в ноябре разгадали замысел, направления главных ударов и примерное время возобновления наступления противника на Москву, что позволило построить более устойчивую и активную оборону, чем в начале битвы.

Главную тяжесть в борьбе с врагом несли армии Западного фронта. Они отразили удары 51 вражеской дивизии, в том числе 21 танковой и моторизованной. Важную роль сыграли войска Калининского и Юго-Западного фронтов, создавшие угрозу обоим флангам группы армий «Центр». Для их обеспечения командование противника вынуждено было выделить 22 дивизии (30% от их общего числа) и тем самым ослабить главную группировку, нацеленную непосредственно на Москву. В результате глубина продвижения врага в ноябре сократилась в 2,5–3,5 раза по сравнению с октябрем.

За период оборонительной операции под Москвой безвозвратные потери Западного, Резервного, Брянского и Юго-Западного фронтов составили свыше 541,3 тыс. человек¹⁵⁸.

За это время немцы лишились 145 тыс. солдат и офицеров¹⁵⁹.

Анализируя Московскую стратегическую оборонительную операцию, следует отметить, что успех был достигнут общими усилиями тех, кто проливал кровь на полях сражений, мас-

совым героизмом советских людей, ковавших победу самоотверженным трудом и взявших в руки оружие в партизанских отрядах, народном ополчении, рабочих и истребительных батальонах. Только на создание Можайской линии обороны было затрачено около 2,5 млн человеко-дней. Всего под Москвой построили противотанковых препятствий 802 км, огневых точек — 7581, проволочных заграждений — 611 км. На танкоопасных направлениях под Москвой на протяжении 1528 км были устроены лесные завалы. Для выполнения этой работы было привлечено свыше 200 тыс. человек. За образцовое выполнение заданий ГКО по строительству оборонительных сооружений под Москвой 252 человека были награждены орденами и медалями¹⁶⁰. На оккупированной территории Московской области в тылу фашистских войск действовали 41 партизанский отряд и 377 диверсионных групп, которые насчитывали до 15 тыс. человек. Всё это — существенные составляющие, обеспечившие срыв наступления противника на Москву.

Моральный дух защитников Москвы и его укрепление

Моральный фактор в войне, моральный дух армии, морально-психологическое состояние личного состава всегда выступали, как свидетельствует военно-исторический опыт, одними из существенных причин побед и поражений в вооруженном противоборстве. Не явилась исключением и Московская оборонительная операция.

В тяжелые дни октября 1941 г. Военный совет Западного фронта обратился к войскам с воззванием, в котором говорилось: «Товарищи! В грозный час опасности для нашего государства жизнь каждого воина принадлежит Отчизне. Родина требует от каждого из нас величайшего напряжения сил, мужества, геройства и стойкости. Родина зовет нас стать нерушимой стеной и преградить путь фашистским ордам к родной Москве. Сейчас, как никогда, требуются бдительность, железная дисциплина, организованность, решительность действий, непреклонная воля к победе и готовность к самопожертвованию»¹⁶¹.

14 октября 1941 г. в день Покрова Пресвятой Богородицы патриарший местоблюститель митрополит Московский и Коломенский Сергей (И. Н. Страгородский) обратился с посланием, где говорилось: «Враг силен, но велик Бог земли Русской. Надо бороться с малодушием, бодро стоять на посту своем, ревниво охранять православные заветы, не отдавать православные святыни немецким ордам»¹⁶².

15 октября 1941 г. газета «Правда» вышла с призывом: «Кровавые орды фашистов лезут к жизненным центрам нашей Родины, рвутся к Москве. Остановить и опрокинуть смертельного врага!»¹⁶³

Как видно, и компартия, и командование Красной армии, и Русская Православная Церковь в суровые дни Московской стратегической оборонительной операции обратились к умам и сердцам советских воинов, побуждая их сражаться с врагом, не щадя своей крови и жизни. И призывы были услышаны — советские воины проявили, защищая столицу нашей Родины, высокую морально-психологическую устойчивость. В донесении члена Военного совета 30-й армии бригадного комиссара Н. В. Абрамова о боях за г. Калинин от 17 октября 1941 г. отмечалось, что «моральное состояние частей армии здоровое», много есть героических примеров и фактов, подтверждающих это. Так, например, «некоторые части 5 сд вечером 15.10, идя в атаку, пели Интернационал и шли в бой с настоящим русским «ура!». За три дня боев подбито и уничтожено у противника 33 танка, 2 самолета, 12 ст[анковых] пулеметов, до десятка различных орудий, убито и ранено более 2 тысяч солдат и офицеров»¹⁶⁴.

Те, кто не щадя крови и жизни, обороняли столицу Советского государства, проявили неимоверную силу духа. Они приумножали не только славную боевую традицию русского воинства, но и закрепляли тенденцию к героизму и самопожертвованию во имя защиты

Бойцы московского рабочего батальона

Отечества, оформившуюся уже в летних операциях, сражениях и боях Красной армии против вермахта. Тому была основа — высокий моральный потенциал советского народа, выразившийся, например, в том, что в первые дни войны советские люди проявили небывалый энтузиазм в записи добровольцами: с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. в СССР было подано 20 млн заявлений от добровольцев с просьбой зачислить в Красную армию¹⁶⁵.

Между тем в современной отечественной историографии в ряде публикаций (особенно увидевших свет в 1990-е) акцентировалось внимание в том числе и на негативных аспектах проблемы морального духа РККА летом 1941 г. и в период битвы под Москвой. Причем ряд авторов допускает порой нарушения принципов объективности и историзма. Так, во втором томе двухтомника «Наше Отечество. Опыт политической истории» отсутствует само понятие «Великая Отечественная война». Пятидесятистраничная глава называется «Советский Союз во Второй мировой войне». В ней нет ни слова о битве под Москвой. Лишь после 40 страниц рассказа о неудачах, поражениях, репрессиях (естественно, без упоминания мер, которые предпринимались для укрепления политико-морального состояния личного состава, воинской дисциплины и правопорядка) можно найти косвенные ссылки на успехи советских войск. На десяти страницах последующего текста лишь десять строчек отведено Сталинграду, Курску¹⁶⁶.

Конечно, наивно было бы отрицать подобные аспекты. Так, с 5 по 10 июля в Красной армии за дезертирство, членовредительство, трусость, паникерство, распространение пораженческих настроений (в то время данные преступления относились к категории контрреволюционных) привлекли к уголовной ответственности 2681 человека, из них 605 — к расстрелу¹⁶⁷.

И если на чашу весов истории положить негативные и позитивные аспекты проблемы морального духа Красной армии в период защиты Москвы и умножить на тот факт, что советские воины выстояли в Московской оборонительной операции, то станет ясно: позитивные аспекты, как у любой здоровой и сильной нации, несомненно, существенно перевесят.

В битве за Москву в деятельности органов государственной власти и военного управления, командования и политотрядов РККА по укреплению морального духа армии и морально-психологического состояния личного состава соединений и частей переплелись в тесном единстве силовая составляющая (принуждение) и воздействие на сознание военнослужащих путем убеждения. Причем уже в начале войны была создана соответствующая нормативно-правовая база, обеспечивавшая укрепление морального духа воинов.

Силовая составляющая в рассматриваемой деятельности органов государственной власти и военного управления, командования и политотрядов РККА нашла особенно рельефное отражение в решительной борьбе с имевшими место случаями невыполнения боевых приказов, пресечении паники на поле боя, а также в борьбе с дезертирством и другими негативными явлениями, подрывавшими моральный дух армии и морально-психологическое состояние личного состава соединений и частей.

Для пресечения оставления поля боя в соответствии с директивой Ставки ВГК от 12 сентября 1941 г. в каждой стрелковой дивизии Западного фронта (из расчета по одной роте на полк) «из надежных бойцов» Красной армии создавались заградительные отряды. Их основной задачей было не допустить бегства «одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия»¹⁶⁸. В целом заградотряды действовали в основном эффективно. Как докладывал командующий 43-й армией генерал К. Д. Голубев, при помощи заградотрядов «удалось задержать бегущих из боевых порядков 17-й и 53-й стрелковых дивизий на рубеже Чернешня»¹⁶⁹.

13 октября 1941 г. командующий Западным фронтом генерал Жуков приказал: «Объявить всему командному составу до отделения включительно о категорическом запрещении отходить с рубежа. Все отошедшие без письменного приказа военных советов фронта и армии подлежат расстрелу»¹⁷⁰. Обстановка требовала столь суровых решений. Судьба столицы и страны висела на волоске.

Закамуфлированное здание Большого театра

Жители Москвы строят баррикады на улицах города

В то же время И. В. Сталин в приказе от 4 октября «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями»¹⁷¹ резко осудил частые случаи незаконных репрессий и грубейшего превышения власти со стороны отдельных командиров и комиссаров по отношению к своим подчиненным. На оборонительном рубеже Волоколамск — Можайск — Малоярославец — Калуга была развернута активная партийно-политическая работа с целью «поднять моральное состояние воинов и укрепить их веру в свои силы, в неизбежность разгрома противника на подступах к Москве»¹⁷².

Перед политорганами и парторганизациями войск Западного фронта стояла задача: путем укрепления боеспособности войск добиться их высокой боевой и моральной стойкости, которая позволила бы остановить и разгромить фашистские войска, рвавшиеся к Москве. Наиболее распространенными формами политической работы в войсках являлись: индивидуальная беседа, групповая политинформация и короткий митинг. Важным средством укрепления морально-боевого духа красноармейцев стала печать. Так, в 16-й армии Западного фронта на два-три бойца приходилась одна газета¹⁷³. Печатное слово воодушевляло бойцов и укрепляло их веру в победу. «За эти месяцы тяжелой, решающей борьбы мы всё глубже понимаем кровную связь с тобой, еще мучительнее любим тебя, Родина... — писал Алексей Толстой 7 ноября 1941 г. в «Правде». — Наша земля немало поглотила полчищ наезжавших на нее насильников... Наша Родина ширилась и крепла, и никакая вражья сила не могла пошатнуть ее. Так же без следа поглотит она и эти немецкие орды. Так было, так будет. Ничего, мы сдюжим!»¹⁷⁴ Сведения о жестоком обращении немцев с пленными и об их преступлениях на оккупированной советской земле разжигали пламя ненависти к врагу. В разведсводке от 2 ноября 1941 г. сообщалось, что немцы держат военнопленных под открытым небом, почти ничем не кормят, заставляют их рыть окопы и строить дороги. «В Вязме слабых и больных пленных немцы зарывали в землю живыми»¹⁷⁵. Приводились случаи избияния пленных красноармейцев шомполами¹⁷⁶. Военные преступления доводились до широких слоев населения и военнослужащих посредством радиопередач Совинформбюро и тематических сборников¹⁷⁷.

Важным и уникальным мероприятием стал военный парад в честь 24-й годовщины Октябрьской революции, проведенный 7 ноября 1941 г. Линия фронта проходила всего в нескольких десятках километров от Красной площади, но весь мир узнал, что страна не сдастся и боевой дух армии не сломлен. Г. К. Жуков вспоминал, что парад 1941 г. сыграл «огромную роль в укреплении морального духа армии, советского народа и имел большое международное значение»¹⁷⁸. Неслучайно английская газета «Ньюс кроникл» писала: «Организация в Москве традиционного парада в момент, когда на подступах к городу идут жаркие бои, представляет собой великолепный пример мужества и отваги»¹⁷⁹.

Таким образом, моральный дух армии в период обороны Москвы стал одним из условий возможности перехода Красной армии в контрнаступление. Тому была фундаментальная основа — исключительной силы духовность советского народа.

В то время когда Красная армия вела ожесточенные сражения с фашистскими полчищами на фронте, жители Москвы и Московской области продолжали готовить столицу к обороне. 12 октября ГКО принял постановление о строительстве обороны на ближних подступах к Москве и в самом городе¹⁸⁰. Предусматривалось мобилизовать на строительство оборонительных сооружений сроком на 20 дней 240 тыс. жителей Московской области и 200 тыс. москвичей. Обеспечивать охрану и защиту людей, работавших на строительстве оборонительных рубежей, должны были войска НКВД. Были сооружены 72 тыс. погонных метров противотанковых рвов, около 80 тыс. метров эскарпов и контрэскарпов, 52,5 тыс. метров надолбов и других инженерных препятствий¹⁸¹.

Предпринимались экстренные меры по сохранению промышленного потенциала и культурного наследия столицы. Из Москвы было вывезено более 80 тыс. вагонов с оборудованием. К декабрю 1941 г. из осажденной столицы в восточные районы страны выехали 2,2 млн человек, из них более 1,5 млн квалифицированных рабочих, инженеров, техников и членов их семей¹⁸²; началась эвакуация московских театров.

14 октября ГКО принял постановление о формировании к 28 октября 1941 г. 50 отдельных стрелковых бригад в девяти военных округах общей численностью более 216,6 тыс. человек. А через четыре дня в дополнение к этому решению постановил сформировать еще 25 отдельных стрелковых бригад (110 тыс. человек).

15 октября было принято постановление об эвакуации столицы СССР из Москвы в г. Куйбышев (ныне Самара), а основной группы Генштаба — в г. Арзамас (ныне Саров). В целях обеспечения обороны города и укрепления тыла войск, а также пресечения подрывной деятельности немецких агентов с 20 октября 1941 г. в Москве и прилегающих к городу районах были введены осадное положение и комендантский час с 12 часов ночи до 5 часов утра. Въезд в столицу разрешался только гражданам с московской пропиской или по спецпропускам.

На северо-западном направлении

Появление врага у стен Ленинграда всего через два с половиной месяца после начала войны оказалось для советского народа слишком неожиданным и труднообъяснимым. Невольно возникал вопрос: почему же части и соединения Красной армии остановили агрессора лишь у порога этого великого города? Ведь при умело организованной обороне соотношение сил сторон вполне позволяло преградить путь противнику далеко за его пределами. Тем более что Ставка ВГК постоянно оказывала помощь Ленинграду. С 10 июля до конца октября туда было дополнительно отправлено 17 стрелковых и три кавалерийские дивизии.

Одна из основных причин — поражение Северо-Западного фронта в самом начале войны. Ни командование, ни войска фронта так и не оправались от него. Главком маршал К. Е. Ворошилов, командования фронта, армий, соединений и частей не сумели восстановить боеспособность войск, деморализованных почти непрерывным отступлением.

Недостаток сил, слабая боевая выучка войск, отсутствие опыта оборонительных действий в условиях лесисто-болотистой местности, неумение командиров и штабов управлять войсками в сложной боевой обстановке привели к срыву плана деблокады города. Отрезанным от «большой земли» войскам и населению предстояла многомесячная и трудная борьба за жизнь.

В конце сентября на северо-западном направлении на всех участках фронта наступление противника было остановлено, и фронт временно стабилизировался.

Подготовку к новым операциям противник начал еще в середине сентября и закончил ее на северо-западном направлении к середине октября. Было решено нанести удар из района Чудово на Тихвин и далее на р. Свирь, чтобы соединиться здесь с финскими войсками и перерезать сообщение Ленинграда со страной по Ладожскому озеру.

Город прикрывали войска Ленинградского фронта. Основное направление в полосе Лигово — Камень — Южная окраина Пулковско-го защищали соединения 42-й армии, которую поддерживал огнем корабельной и береговой артиллерии Балтийский флот. 55-я армия оборонялась на рубеже Верхнее Кузьмино — Большое Кузьмино — Новая Сель. Невская оперативная группа силами одной стрелковой дивизии и одной отдельной стрелковой бригады занимала оборону по правому берегу Невы, а тремя стрелковыми дивизиями и одной бригадой морской пехоты вела бои по расширению плацдарма на левом берегу Невы в районе Московской Дубровки. 23-я армия занимала оборону на Карельском перешейке на рубеже Нижние Никулясы — Керемьяки — Лембалово — Охта — Мертушь — Белоостров — Сестрорецк. 8-я и 54-я армии непосредственно Ленинград не прикрывали. Соединения и части 8-й армии (со 2 ноября 1941 г. — Приморская оперативная группа), удерживая приморский плацдарм в районе Ораниенбаума, оборонялись на рубеже Керново — Готобужи — Ломоносово — Мишелово — западная окраина Петергофа. 54-я армия в октябре и ноябре вела боевые действия в районе западнее и южнее Волхова. В резерве командующего войсками

фронта в разное время находились от двух до четырех дивизий и ряд отдельных частей и подразделений, дислоцировавшихся в Ленинграде.

Оценивая группировку и оперативное построение войск, необходимо отметить, что командование Ленинградского фронта, творчески освоив полученный опыт в предыдущих боях, вполне своевременно и правильно отказалось от равномерного распределения сил и средств по фронту и сосредоточило основные усилия войск на решающих участках обороны — юго-западных и южных подступах к Ленинграду. На рубеже Урицк — Путролово — Новая протяженностью 47 км были сосредоточены десять дивизий, две бригады и семь отдельных пулеметных батальонов. Сюда же были привлечены свыше 70% артиллерийских орудий, значительная часть танков и почти все силы авиации фронта¹⁸³.

Большое внимание уделялось инженерному оборудованию местности. В течение сентября — декабря 1941 г. войсками фронта при активном участии населения Ленинграда и прилегающих к нему районов на южных, юго-восточных и северных подступах к городу была создана развитая в инженерном отношении оборона, включавшая в себя главную и вторую полосы обороны и ряд отсечных позиций и укрепленных районов. Насыщенность обороны инженерными сооружениями была высокой.

Наряду с созданием армейских оборонительных полос укреплялся и сам город. Передний край городского рубежа обороны проходил по линии внутренней окружной железной дороги. Оборона города делилась на сектора. В южной и северной частях города было по три сектора в каждом (Кировский, Московский и Володарский; Приморский, Выборгский и Красногвардейский). Каждый сектор состоял из трех позиций, удаленных друг от друга на 1,2—2 км. Основу позиций составляли батальонные районы обороны. Всего в шести секторах города было создано 99 батальонных районов. В случае необходимости для занятия обороны в городских батальонных районах привлекались части войск НКВД, расположенные в городе, ленинградская пожарная охрана, личный состав городской милиции и рабочие формирования. К началу ноября 1941 г. в городе насчитывалось 123 рабочих отряда с общим количеством 15 460 человек¹⁸⁴.

В городе было создано большое количество баррикад. Так, в Кировском секторе обороны баррикады в основной части представляли собой прямолинейные заграждения — барьеры между жилыми постройками. Высота баррикад достигала 2,5 м, глубина — 3,5 м. Общая длина баррикад в этом секторе составляла 17,2 км. Перед баррикадами отрывались противотанковые рвы.

Особое внимание уделялось созданию прочной и глубоко эшелонированной противотанковой обороны. Основная масса противотанковых средств, в том числе и артиллерийских, была сосредоточена на танкоопасных направлениях. На наиболее важном направлении в полосе 42-й армии к ноябрю 1941 г. был создан 41 противотанковый район (не считая противотанковых районов, созданных в городе). Эти районы эшелонировались на всю глубину обороны. Противотанковые районы имели между собой тесное огневое взаимодействие. В армии к противотанковой обороне было привлечено 324 орудия, или 17 орудий на 1 км фронта. До 50% всех артиллерийских противотанковых средств располагалось в главной полосе обороны, около 20% во второй полосе и около 30% на окраинах города. Широко использовались собаки — истребители танков.

Существенный недостаток организации противотанковой обороны состоял в том, что противотанковые районы были слишком велики как по занимаемой площади, так и по своему составу, в связи с чем управление ими было затруднено. Другой недостаток — отсутствие четкой организации управления средствами противотанковой обороны со стороны командиров стрелковых батальонов и полков, что снижало роль общевойсковых командиров в ведении противотанковой обороны.

Существенное внимание уделялось противовоздушной обороне Ленинграда. Непосредственно город прикрывали с воздуха 2-й корпус ПВО (с ноября 1941 г. — Ленинградский корпусной район ПВО) и 7-й истребительный авиационный корпус; водный путь через Ладожское озеро — Ладожский бригадный район ПВО; железнодорожные линии, подходившие

Советские танки, подбитые 9 октября 1941 г. в боях под Ленинградом

из глубины страны к Ладожскому озеру, — части Свирского бригадного района ПВО. Все эти соединения подчинялись управлению ПВО Ленинградского фронта.

Важное место в обороне Ленинграда занимала борьба с дальнобойной артиллерией противника, производившей варварский обстрел жилых кварталов и промышленных объектов города. В конце сентября был разработан единый план действий артиллерии и авиации. Между ними были распределены все цели, при этом подавление и уничтожение дальних целей возлагались на авиацию. В октябре были созданы специальные артиллерийские группы контрбатареинной борьбы, каждая в составе двух-трех дивизионов¹⁸⁵.

Немецкое командование еще в сентябре 1941 г. поставило командующему войсками группы армий «Север» задачу: перегруппировать силы на тихвинское направление с тем, чтобы нанести удар в северо-восточном направлении через Тихвин на Лодейное Поле. Цель предстоявшего наступления — глубокий обход Ленинграда с юго-востока, соединение с финскими войсками на р. Свирь и создание полной блокады города. Для выполнения этой задачи командование группы армий «Север» сосредоточило 39-й моторизованный корпус и главные силы 1-го армейского корпуса в районе Кириши — Любань и южнее. Эта группировка должна была нанести главный удар в направлении Грузино, Будогощь, Тихвин, Лодейное Поле и выйти на р. Свирь. Часть сил предназначалась для вспомогательного удара на Малую Вишеру, Бологое, навстречу войскам левого крыла группы армий «Центр», которые после овладения г. Калинином должны были наступать на Вышний Волочек.

6 октября И. В. Сталин отозвал генерала Г. К. Жукова в Москву, назначив его командующим войсками Западного фронта. Ленинградский фронт возглавил генерал И. И. Федюнинский.

Директивой от 12 октября Ставка ВГК потребовала от Военного совета Ленинградского фронта незамедлительно нанести удар в направлении Мги силами соединений и частей 55-й,

54-й армий и Невской оперативной группы. Причем к удару надлежало привлечь не менее пяти стрелковых дивизий с танками 55-й армии¹⁸⁶.

Через два дня Ставка ВГК уточнила план и силы для удара на Мгу. Для окружения и уничтожения шлиссельбургско-синявинской группировки противника и деблокаживания Ленинграда с суши 55-я и 54-я армии должны были нанести удар навстречу друг другу в направлении Синявино. 54-й армии предписывалось привлечь к операции три стрелковые дивизии и всю свою крупную артиллерию, а 55-й — пять-шесть стрелковых дивизий, до 100 танков КВ и всю основную артиллерию. Обращалось также внимание на необходимость поддержки войск огнем минометов, катюш и авиации¹⁸⁷. Всего к проведению операции привлекались около 63 тыс. человек, 475 орудий всех калибров (без учета артиллерии усиления и Балтийского флота) и 97 танков, в том числе 59 танков КВ.

Вражеское командование в районе предстоящего наступления войск Ленинградского фронта создало сильную оборону с большим количеством всевозможных инженерных сооружений. Узкую полосу местности, отделявшую Ленинград от страны, враг в короткий срок превратил в сильный оборонительный плацдарм, обращенный фронтом на север, восток и запад. Весь левый берег Невы южнее Шлиссельбурга и рубеж Липка — Вороново представляли собой сплошную полосу деревоземляных укреплений с хорошо подготовленной системой огня. Перед передним краем обороны и в глубине ее на всех доступных участках были поставлены противотанковые и противопехотные минные поля. Позиции противника, обращенные на запад и на восток, смыкались в районе Синявино, Мга, достигая общей глубины 12–30 км.

Лесисто-болотистая местность с большим количеством торфоразработок создавала большие трудности для наступления советских войск. Всего противник на синявинском направлении имел примерно 54 тыс. человек и около 450 орудий всех калибров. Танков в этом районе у него не было¹⁸⁸.

Операция должна была начаться 20 октября, но немцы упредили советские войска и перешли в наступление на тихвинском направлении.

Германское командование не теряло надежды занять Тихвин, чтобы затем двинуться на север — к Лодейному Полю, на соединение с финскими войсками, а также на восток — к Вологде и Рыбинску, конечным целям кампании 1941 г. для левого крыла немецких армий. Поэтому командование группы армий «Север» прекратило наступление на Бологое и перебросило 8-ю танковую и 18-ю моторизованную дивизии на тихвинское направление.

16 октября 1941 г. соединения трех корпусов 16-й армии противника перешли в наступление против войск 52-й отдельной армии, которая имела всего две стрелковые дивизии, оборонявшиеся на фронте более 80 км — от устья р. Пчевжа до Дубровки. Начиная наступление, соединения и части 16-й армии противника пытались вновь решить задачи, поставленные в директиве ОКВ № 34, уточненные директивой Гитлера от 21 августа. В ней говорилось: «Только плотная блокада Ленинграда, соединение с финскими войсками и уничтожение 5-й русской армии создадут предпосылки и высвободят силы, необходимые для того, чтобы согласно дополнению к директиве № 34 от 12.8 можно было предпринять успешное наступление против группы войск Тимошенко и разгромить их»¹⁸⁹.

Главной ударной силой немецкого наступления на Тихвин снова стал 39-й моторизованный корпус под командованием генерала Шмидта, того самого, который замкнул кольцо блокады Ленинграда в районе Шлиссельбурга. В наступлении участвовали также соединения 1-го и 38-го армейских корпусов. Три дня части 288-й и 267-й стрелковых дивизий сдерживали натиск превосходящих сил противника. 20 октября соединения 39-го корпуса, 21-я и 126-я пехотные дивизии прорвали оборону 52-й армии и вышли на оперативный простор. Основная ударная группировка противника в составе 12-й танковой и 20-й моторизованной дивизий двинулась на северо-восток в направлении Грузино — Будогощь — Тихвин.

23 октября А. М. Василевский передал И. И. Федюнинскому указания Верховного главнокомандующего: «Прошу принять следующее указание товарища Сталина и немедленно довести до сведения товарищей Жданова и Кузнецова. Если вы в течение ближайших дней не прорвете фронт и не восстановите прочной связи с 54-й армией, которая вас связывает с

тылом страны, все ваши войска будут взяты в плен. Восстановление этой связи необходимо не только для того, чтобы снабжать войска Ленфронта, но и особенно для того, чтобы дать выход войскам Ленфронта для отхода на восток — для избежания плена в случае, если необходимость заставит сдать Ленинград. Москва находится в критическом положении, и она не в состоянии помочь вам новыми силами. Либо вы в эти два-три дня прорвете фронт и дадите вашим войскам отойти на восток в случае невозможности удержать Ленинград, либо вы попадете в плен. Сосредоточьте дивизий восемь или десять и прорвитесь на восток. Это необходимо и на тот случай, если Ленинград будет удержан, и на случай сдачи Ленинграда. Для нас армия важней»¹⁹⁰.

В ночь на 26 октября генерал И. И. Федюнинский обратился в Ставку с просьбой провести рокировку между ним и генералом М. С. Хозиным, командующим 54-й армией. Довод — ему неудобно отдавать приказы старшему по званию и возрасту командиру. Истинные причины такого поступка генерала И. И. Федюнинского неизвестны. С 26 октября 1941 г. командующим войсками Ленинградского фронта был назначен генерал М. С. Хозин (уже пятый командующий фронтом за два с небольшим месяца после его образования).

Для ликвидации прорыва советское командование выделило восемь дивизий. Так как на их сосредоточение и развертывание требовалось не менее одной-двух недель, было решено, несмотря на резкое ослабление состава ударной группировки, начать Синявинскую операцию в соответствии с планом.

Вот слова Сталина из записи его переговоров со Ждановым и Хозиным от 8 ноября: «Нас очень тревожит ваша медлительность в деле проведения известной вам операции. Вам дан срок в несколько дней. Если в течение нескольких дней не прорветесь на восток, вы загубите Ленинградский фронт и население Ленинграда... вы должны знать, что пехота без танков не пойдет. После артиллерийской подготовки нужно пустить танки, и только после танков и за ними можно пустить пехоту. Надо выбирать между пленом, с одной стороны, и тем, чтобы пожертвовать несколькими дивизиями. Повторяю, пожертвовать и пробить себе дорогу на восток, чтобы спасти ваш фронт и Ленинград. Попробуйте из разных дивизий выделить группы охотников, наиболее смелых людей, составить один или два сводных полка... Возможно, что эти сводные полки смелых людей потянут за собой и остальную пехоту. Всё»¹⁹¹.

Спротивление советских войск усиливалось с каждым днем. Они не только удерживали оборонительные рубежи, но и пытались наносить контрудары по врагу, срывали его продвижение. Это обстоятельство заставило командование группы армий «Север» отказаться от наступления на Вышний Волочек. Перейдя здесь к обороне, немцы сосредоточили свои усилия на тихвинском и волховском направлениях.

Прикрывавшие Тихвин 191-я и 44-я стрелковые и 60-я танковая дивизии, естественно, не смогли сдержать удар такой мощной немецкой группировки. Достаточно сказать, что каждая танковая дивизия противника имела на вооружении более 200 танков. 8 ноября 1941 г. вражеские части захватили Тихвин и перерезали единственную железнодорожную магистраль к Ладожскому озеру, по которой шли грузы в блокадный Ленинград. Одновременно неприятель возобновил наступление на Волхов.

Упорным сопротивлением советских бойцов и командиров, контрударами в районах Малой Вишеры и Тихвина дальнейшее продвижение врага было остановлено. Таким образом, план немецкого командования по соединению с финскими войсками на р. Свирь оказался сорванным. С потерей Тихвина положение Ленинграда резко осложнилось: город лишился железнодорожной магистрали, связывавшей через Ладожское озеро Ленинградский фронт и Балтийский флот с тылом страны. Был разорван последний реальный путь завоза в Ленинград продовольствия, боеприпасов, вооружения. Известно, что после установления блокады основным коммуникационным путем являлся железнодорожно-водный; поезда следовали по маршруту Вологда — Тихвин — Волхов. Затем в Гостинополе (13 км к югу от Волхова) грузы переваливались на суда или баржи и перевозились по р. Волхов и Ладожскому озеру в Осиновец. Конечно, существовал еще воздушный путь, но из-за отсутствия достаточного количества самолетов он был малоэффективным.

В это же время 21-я и 11-я пехотные дивизии 1-го армейского корпуса противника находились в 15–18 км от Волхова¹⁹².

В этих условиях Ставка изыскивала резервы для защиты Волхова. Она перебросила в этот район 3-ю гвардейскую стрелковую дивизию генерала Н. А. Гагена и 6-ю морскую бригаду. Оборона Волхова была возложена на командующего 54-й армией генерала И. И. Федюнинского.

В середине ноября 1941 г. обстановка на северо-западном направлении, особенно в районе Ленинграда, резко осложнилась. Но в результате непрерывного усиления 4-й и 52-й армий дивизиями Ленинградского фронта и резервами Ставки ВГК и возросшего сопротивления этих армий все попытки противника развить наступление на Волхов и на север от Тихвина с целью соединения с финскими войсками, а также на юго-восток от Малой Вишеры успеха не имели.

Положение Ленинграда и войск в районе города с каждым днем ухудшалось. Ленинградская промышленность могла давать вооружение и боеприпасы только при наличии сырья, а запасы его были весьма ограничены. При строгой экономии их могло хватить на месяц-два. Концентрированное топливо (уголь, нефть) было на исходе. Особенно серьезное положение складывалось со снабжением города продовольствием. Имевшиеся запасы расходовались значительно быстрее, чем шло их восполнение через Ладожское озеро.

9 ноября Ставка ВГК возложила командование войсками 4-й армии на генерала К. А. Мерещкова, освободив от этих обязанностей генерала В. Ф. Яковлева. Для удобства управления и более оперативного руководства войсками армии в ее составе были созданы четыре оперативные группы: Волховская, Северная, Восточная и Южная.

На волховском направлении противник, хотя и более замедленными темпами, но все еще продолжал продвигаться. Здесь он рассчитывал выходом к Ладожскому озеру в районе Новой Ладogi (20 км севернее Волхова) окружить и уничтожить войска 54-й армии и одновременно сорвать перевозки в Ленинград по Ладожскому озеру. Начав наступление еще 28 октября, противник, пользуясь численным превосходством, теснил правофланговые соединения 4-й армии на север. Положение войск на волховском направлении стало крайне тяжелым.

Ставка ВГК потребовала от командования Ленинградского фронта прекратить наступательные действия 54-й армии на синявинском направлении и возложила на нее разгром противника в районе Волхова. 12 ноября в состав армии была включена Волховская оперативная группа 4-й армии, которая в это время вела тяжелые оборонительные бои на подступах к Волхову.

Противник в середине ноября перебросил из района Тихвина на усиление 1-го армейского корпуса, наступавшего на Волхов, часть сил 8-й и 12-й танковых дивизий, рассчитывая захватить Волхов и выйти к Ладожскому озеру.

Укрепляя свои позиции вокруг Тихвина, немецкое командование все еще надеялось реализовать свои планы и задачи. Именно в эти дни в дневнике генерала Гальдера появились записи, касающиеся группы армий «Север». Так, 19 ноября 1941 г. были помещены тезисы его доклада Гитлеру. Касательно группы армий «Север» он записал: «В районе Тихвина — усиление войск противника. Волховстрой — перспективное направление (254-я пехотная дивизия). Наступление на ладожском участке фронта приостановлено. Оперативные замыслы: ликвидировать напряженное положение на ладожском участке фронта. Соединиться с финнами. Должны идти друг другу навстречу... Удерживать фронт на рубеже Ленинград — Кронштадт»¹⁹³.

Выслушав доклад Гальдера, Гитлер высказал некоторые пожелания. Одно из них — «на севере следующей ликвидировать ладожскую группу противника». 23 ноября Гальдер вновь коснулся событий под Ленинградом. В своем докладе на совещании обер-квартирмейстеров, словно предугадывая скорые неудачи немецких войск и под Тихвином, и под Москвой, он сказал: «Военная мощь России более не представляет угрозы для Европы. Противнику нанесен решающий удар... Но противник еще не уничтожен. Окончательно разгромить его в этом году мы не сможем, несмотря на немалые успехи наших войск. Колоссальные размеры

территории и неистощимость людских ресурсов этой страны вообще не позволяют гарантировать полного поражения противника... В этом году мы должны наступать до тех пор, пока не будут созданы благоприятные условия для продолжения наступления в будущем году. Цели (задачи): Ладога — соединение с финнами»¹⁹⁴.

С учетом задач, указанных выше, немецкое командование пополняло группировку своих войск в районе Тихвина. Сюда прибыли части 61-й пехотной дивизии. Согласно записям Гальдера от 3 декабря, «обстановка, сложившаяся у Тихвина в результате наступления противника с юга, осталась неясной. Командир 61-й пехотной дивизии взял в свои руки оборону Тихвина»¹⁹⁵.

Командующий 54-й армией 26 ноября предпринял контрудар специально созданной в районе Волхова ударной группировкой (четыре стрелковые дивизии и одна бригада морской пехоты). К исходу 29 ноября она отбросила вражеские части к югу от железной дороги Волхов — Тихвин. Фронт на подступах к Волхову временно стабилизировался. В это же время немецкие войска начали наступление в направлении станции Войбокало с целью выхода к южному берегу Ладожского озера. Соединения и части 54-й армии и здесь отразили удары противника.

Таким образом, наступление группы армий «Север», начатое во второй половине октября против войск 4-й, 52-й, а затем и 54-й армий, было окончательно остановлено. Попытка противника прорваться к р. Свирь и Ладожскому озеру оказалась сорвана. Немецкие соединения и части были измотаны и понесли большие потери. Начав наступление на участке в 70 км, ударная группировка врага растянулась на фронте свыше 350 км. Это определило переход советских войск в контрнаступление. Оперативное положение неприятельской группировки оказалось невыгодным. Она с трех сторон была охвачена советскими войсками, что создавало благоприятные условия для ее разгрома.

К этому времени за счет усиления войск 4-й и 52-й армий резервами Ставки ВГК и переброски в состав этих объединений четырех дивизий Ленинградского фронта соотношение сил изменилось в пользу советских войск.

Остановив наступление врага на тихвинском направлении, советские войска в середине ноября перешли в контрнаступление: 52-я армия 12 ноября в районе Малой Вишеры, а 4-я армия 19 ноября в районе Тихвина. 54-я армия Ленинградского фронта включилась в контрнаступление 3 декабря, а 4, 52 и 54-я армии нанесли в декабре серьезное поражение тихвинской группировке противника и к концу месяца вышли на рубеж р. Волхов¹⁹⁶.

К сожалению, советским войскам на данном направлении не удалось добиться значительных успехов. 52, 4, 54-я армии и Новгородская армейская группа начали наступление не одновременно, а в зависимости от конкретно складывающейся обстановки на том или другом направлении. Вначале на маловишерском направлении нанесла удар 52-я армия, затем в районе Тихвина 4-я и, наконец, в районе западнее Волхова 54-я армия.

Соединения и части 52-й армии с первого дня наступления пытались прорвать вражескую оборону на рубеже р. Малая Вишерка и овладеть сильным узлом сопротивления Малая Вишера. Ожесточенные бои развернулись за опорные пункты противника, расположенные на переднем крае обороны. Однако добиться положительных результатов не удалось. Не имела успеха и Новгородская армейская группа.

Основными причинами неполного достижения поставленных целей наступления являлись: плохая разведка, особенно состава вражеской группировки, поскольку не удалось обнаружить ни расположение частей 61-й пехотной дивизии, прибывшей из резерва группы армий «Север», ни 223-й пехотной дивизии — из Франции, ни основных огневых средств; плохая организация наступления и низкий уровень управления войсками; слабая эффективность огня артиллерии — недостаточно подавленные огневые средства противника быстро оживали и оказывали упорное сопротивление атакующей пехоте; несвоевременное наращивание усилий на направлении обозначавшегося успеха; использование, как правило, фронтальных атак опорных пунктов противника, что объяснялось прежде всего слабым знанием организации неприятельской обороны.

Крайне тяжелое положение в Ленинграде требовало принятия срочных мер. В первую очередь необходимо было разгромить тихвинскую группировку врага и восстановить железнодорожное движение на участке Тихвин — Волхов, а также сковать силы противника на северо-западном направлении и не допустить их переброски на московское направление.

Контрнаступление советских войск под Тихвином было осуществлено в ноябре — декабре 1941 г. силами 54-й армии Ленинградского фронта, 4-й и 52-й армий, находившихся в подчинении Ставки. Войска этих армий получили значительное пополнение. Несмотря на тяжелую обстановку под Москвой, Ставка ВГК изыскала возможность усилить 54, 4 и 52-ю армии. На их подкрепление были переброшены девять стрелковых и одна танковая дивизии, одна танковая бригада, один стрелковый полк и другие подразделения¹⁹⁷. Наибольшее усиление получила 4-я армия, действовавшая в районе Тихвина. В ее состав в течение октября и ноября были переданы пять стрелковых (из Забайкалья и Приморья), одна танковая дивизии, одна танковая бригада. Благодаря проведенным мероприятиям по усилению армий, действовавших к востоку от р. Волхов, к середине ноября соотношение сил изменилось в их пользу.

54-я армия (одиннадцать стрелковых, одна танковая дивизии, две стрелковые и две танковые бригады и два стрелковых полка) вела упорные оборонительные бои южнее ст. Войбокало и в районе Волхова, сдерживая наступление группы «Бекман», а также занимала рубеж Липка — Лодва. 4-я армия (пять стрелковых, одна танковая и одна кавалерийская дивизии, одна танковая и одна стрелковая бригады, три отдельных танковых батальона), остановив наступление врага к северу и востоку от Тихвина, готовилась к переходу в наступление. Армия занимала охватывающее положение по отношению к основным силам 8-й и 12-й танковых, 18-й и 20-й моторизованных и части сил 61-й пехотной дивизий неприятеля, объединенных 20 ноября в группу «Тихвин». 52-я армия (четыре стрелковые дивизии) занимала оборону по обе стороны Октябрьской железной дороги в районе Малой Вишеры и также готовилась к наступлению. Перед фронтом армии оборонялись до полутора пехотных дивизий противника. Юго-западнее 52-й армии (до оз. Ильмень) действовала Новгородская армейская группа Северо-Западного фронта (две стрелковые, одна танковая и одна кавалерийская дивизии). Перед фронтом группы стояло до пехотной дивизии противника.

Таким образом, к началу контрнаступления на фронте от Ладожского озера до озера Ильмень действовали двадцать две стрелковые, три танковые, две кавалерийские дивизии, три стрелковые и три танковые бригады, а также три отдельных танковых батальона — всего до тридцати дивизий. Им противостояли четырнадцать дивизий (до десяти пехотных, две моторизованные и две танковые дивизии) противника. Укомплектованность вражеских соединений личным составом и вооружением в это время не превышала 60% штатного состава. Вся группировка насчитывала около 140 тыс. человек, примерно 1000 орудий и минометов калибром 75 мм и крупнее и около 200 танков¹⁹⁸.

Охватывающее положение советских войск по отношению к противнику и некоторое превосходство над ним создавали реальные возможности разгрома врага. По замыслу Ставки, разгром противника осуществлялся путем нанесения ряда ударов по сходящимся направлениям на Кириши, Грузино. Главный удар наносила 4-я армия из района Тихвина на Будогощь, Грузино. Она должна была разгромить 39-й моторизованный корпус, соединиться в районе Кириши с соединениями и частями 54-й армии, а в районе Грузино — с силами 52-й армии, захватить плацдарм на левом берегу Волхова. 54-й армии приказывалось остановить наступление противника на Волхов и Войбокало, нанести удар по левому флангу группы «Бекман» в направлении Кириши, отрезать пути отхода на запад ей и 39-му моторизованному корпусу, во взаимодействии с войсками 4-й армии уничтожить их. 52-й армии предписывалось во взаимодействии с Новгородской армейской группой Северо-Западного фронта разгромить противника в районе Малой Вишеры и, развивая наступление к р. Волхов, перерезать неприятельские коммуникации в районе Грузино. Новгородская армейская группа Северо-Западного фронта получила задачу частью сил прочно оборонять рубеж Пахотная Горка — устье р. Мета, а главными силами наступать в направлении на

Селищенский поселок, во взаимодействии с 52-й армией разгромить противостоявшего ей противника и овладеть плацдармом на левом берегу р. Волхов.

Соединения и части контрударной группировки начали наступление одновременно. Вначале перешла в наступление 52-я армия на маловишерском направлении, затем 4-я — в районе Тихвина, и 54-я армия — западнее Волхова.

Наступление 52-й армии и Новгородской армейской группы не имело успеха. Неудачный исход боевых действий в большей степени обуславливался слабой организацией наступления и плохим управлением войсками, низкой эффективностью огня артиллерии. Плохая организация разведки не позволила полностью вскрыть характер обороны противника.

Перелом в сражении под Тихвином наступил 7 декабря, когда советские войска, перешедшие в контрнаступление под Москвой, начали разгром главной ударной группировки противника, рвавшейся к столице.

В этот день южная оперативная группа войск 4-й армии прорвала оборону противника на линии железной дороги и подошла к Ситомле, создав угрозу перехвата единственной коммуникации, связывавшей тихвинскую группировку противника с тылом. С целью предотвращения этой угрозы немецкое командование было вынуждено часть своих сил из-под Тихвина спешно перебросить в Ситомлю. В это время погода стояла холодная. Так, 6 декабря генерал Гальдер в своем дневнике записал: «Противник усиливает свои войска в районе Тихвина. Очень сильный мороз (–38°). Большое количество обморожений...» И далее приводятся слова генерала Бреннеке: «Из пяти наших танков только один может вести огонь... Если нам не удастся удержать Тихвин, тогда придется отвести войска по всему фронту примерно на 20 км на запад»¹⁹⁹.

Воспользовавшись ослаблением вражеских сил, соединения и части 4-й армии решительно атаковали противника, сломали его сопротивление севернее и восточнее города и 9 декабря в упорном ночном бою овладели Тихвином. 12-й танковой, 18-й моторизованной и 61-й пехотной дивизиям был нанесен большой урон. Только с 7 по 9 декабря противник оставил на поле боя убитыми до 7 тыс. человек и много боевой техники. Улицы города были завалены разбитыми автомашинами, танками и орудиями²⁰⁰.

Несмотря на достигнутые успехи, следует отметить, что в боевых действиях войск имелись и существенные недочеты. В первые дни контрнаступления усилия войск направлялись в основном на овладение отдельными опорными пунктами и узлами сопротивления на переднем крае обороны противника, задач на глубокий их обход не ставилось. Все это приводило к потере темпа наступления и позволило немецкому командованию беспрепятственно перебрасывать резервы из глубины, снимать части с не подвергавшихся атакам участков фронта. Неглубокий охват опорных пунктов и узлов сопротивления приводил к тому, что наступавшие части постоянно находились под воздействием флангового огня артиллерии, минометов и пулеметов противника и несли большие потери. Недостатком в действиях войск в это время являлось отсутствие практики массированного применения танков и артиллерии на направлениях главных ударов. Так, танковые части, входившие в состав 4-й армии, были равномерно распределены по группам, вместо того чтобы объединить их под общим командованием и образовать мощную ударную группу. Слабым местом в ходе контрнаступления оказалось взаимодействие пехоты с артиллерией и отсутствие у командующих армиями и войсками оперативных групп резервов, способных развивать успех соединений первого эшелона.

В боевых действиях войск поучительными были ночные действия. Наступление войск 4-й армии в ночь с 8 на 9 декабря закончилось успешным разгромом немецких войск в Тихвине. Также успешными были ночные действия войск 52-й армии по овладению основными узлами сопротивления в Малой и Большой Вишерях. Однако опыт ночных действий не был достаточно изучен и освоено войсками, и последние прибегали к ночным действиям в редких случаях.

Советское командование стремилось развить успех, достигнутый под Тихвином. 17 декабря Ставка ВГК восстановила Волховский фронт, который возглавил генерал К. А. Мерецков. В его состав вошли 4, 59, 26 и 52-я армии²⁰¹. Ленинградский, Волховский и Северо-Западный фронты были нацелены на разгром группы армий «Север» и деблокаду Ленинграда. замысел операции сводился к тому, чтобы ударом армий центра Волховского фронта в северо-запад-

ном направлении во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта срезать мгинский выступ и уничтожить находившиеся здесь 13–14 дивизий противника. В то же время Северо-Западный фронт должен был разгромить войска 16-й немецкой армии, находившиеся южнее оз. Ильмень, и дальнейшим наступлением в западном направлении выйти во фланг и тыл новгородской группировке противника.

Однако, несмотря на все усилия войск этих фронтов, развить успех контрнаступления не удалось. Командующий 54-й армией генерал И. И. Федюнинский, вспоминая эти события, писал: «54-я армия уткнулась в организованную оборону немцев на линии железной дороги Мга — Кириши. Взять Кириши не удалось. Преодолела «железку» и продвинулась дальше всех на запад 311-я стрелковая дивизия под командованием полковника С. Т. Биякова. Но устроить «котел» тихвинско-волховской группировке противника войскам 4-й и 54-й армий не удалось. Немецкие части (21-я пехотная дивизия) даже сумели сохранить небольшой плацдарм на восточном берегу реки Волхов — у Кириши, который они удерживали до осени 1943 года»²⁰². Напряженные бои продолжались до конца 1941 г. Они не дали территориальных результатов, но сковали значительные силы немецко-фашистских войск на синявинско-мгинско-тосненском участке фронта, не позволили противнику свободно маневрировать своими силами.

Контрнаступление советских войск под Тихвином являлось важным звеном в зимней кампании 1941–1942 гг. Немецким войскам были нанесены первые поражения. Основные силы группы армий «Север» были скованы. Немецкое командование не смогло перебросить на усиление своих войск под Москвой ни одной дивизии из ее состава. План германского командования — полностью изолировать Ленинград от страны и удушить его в тисках голодной блокады — потерпел крах. Советские войска, продвинувшись в западном направлении на 100–120 км, освободили от захватчиков обширную территорию на правом берегу Волхова и вызволили из фашистской неволи тысячи советских граждан.

Успешное наступление войск 4-й и 52-й армий в Тихвинской операции, освобождение восточного берега р. Волхов получили высокую оценку правительства СССР. Орденом Красного Знамени были награждены 65-я и 191-я стрелковые дивизии, 305-й стрелковый полк (бывший 701-й сп 142-й дивизии) 44-й стрелковой дивизии, 46-я танковая бригада, ряд артиллерийских и минометных полков. 1200 воинов получили правительственные награды.

На юго-западном и южном направлениях

Сосредоточив главные силы на московском направлении, немецкое командование одновременно рассчитывало до наступления зимы не только изолировать Ленинград от других районов страны, но и на южном направлении захватить Крым, Донбасс и Ростов, открыв таким образом путь на Кавказ. От исхода борьбы на южном стратегическом направлении зависело решение вопроса, получит ли Третий рейх кавказскую нефть и продовольствие Дона и Кубани, а также важные политические и стратегические преимущества, которые приносило обладание Кавказом, — возможность вовлечения Турции в войну против Советского Союза и проникновение Германии в страны ближнего Востока, Индию²⁰³.

Одним из стойких форпостов на юге страны являлась Одесса. Выполняя приказ Ставки Верховного главнокомандования: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот»²⁰⁴, советские войска продолжали мужественно сдерживать удары румынских и немецких войск.

Ценой больших потерь враг вышел на ближние подступы к городу. Жители Одессы стали искать спасения под землей, в катакомбах, протяженность которых достигала 1400 км. Вместимость каменоломен была различной: от нескольких десятков до 400–500 человек, а самые большие — до 5–6 тыс. человек. Общая численность жителей Одессы, укрывавшихся в каменоломнях, достигала 50–60 тыс. человек²⁰⁵.

Тяжелая артиллерия ведет огонь по вражеским войскам, штурмующим Одессу

Строительство баррикад в городе

Моряки сошли с кораблей для защиты города

Немецкое дальнбойное орудие, отбитое у врага в контратаке

Защитники Одессы эвакуируются из города

Советские войска несли большие потери, удерживать оборону становилось все сложнее. В стрелковых частях некомплект начальствующего состава достиг 42%. За месяц обороны Одессы потери только ранеными составили 25 тыс. человек.

Несколькими контрударами силами Приморской армии и Черноморского флота при поддержке авиации, воздушных и морских десантов удалось ослабить нажим противника, нанести ему существенные потери, поднять дух защитников Одессы. Однако это не могло изменить обстановку. Тяжелое положение, сложившееся на южном крыле советско-германского фронта, заставило Ставку ВГК 30 сентября 1941 г. принять решение эвакуировать Приморскую армию на Крымский полуостров²⁰⁶.

Всего для эвакуации было использовано 24 транспорта с общим тоннажем в 150 тыс. брутто-тонн. С 1 по 16 октября были вывезены до 86 тыс. военнослужащих, 3625 лошадей, 1152 автомашины, 34 танка, три бронемшины, 462 орудия, более 25 тыс. тонн военных грузов и 15 тыс. гражданского населения. Всего из Одессы в Крым вывезли около 350 тыс. гражданского населения, раненых, больных. Только в одну ночь с 15 на 16 октября из Одессы были эвакуированы 35 тыс. советских воинов²⁰⁷.

С уходом советских войск борьба с захватчиками в Одессе не прекратилась. В одесских катакомбах расположились несколько партизанских групп.

Героическая оборона Одессы в августе — октябре 1941 г. продолжалась 73 дня. 14 защитникам города было присвоено звание Героя Советского Союза, а 2167 воинов награждены орденами и медалями СССР²⁰⁸.

Ростовское направление осенью 1941 г. было одним из важнейших. Как отмечалось в одном из немецких документов: «Ростов — это шлагбаум между Москвой и нефтеносным Кавказом... захватив шлагбаум, мы открываем себе путь к бакинской нефти». В этой связи премьер-министр Великобритании У. Черчилль в своем выступлении в палате общин в январе 1942 г. констатировал: «Мы были особенно озабочены тем, что бронетанковые части германской армии могли форсировать Дон, захватить Ростов, вторгнуться на Кавказ и достигнуть бакинских нефтепромыслов. Такое продвижение не только предоставило бы немцам нефть, в которой они начали испытывать серьезный недостаток, но и повлекло бы за собой уничтожение русского флота и потерю господства на Черном море. Это отразилось бы на безопасности Турции и поставило бы под серьезную угрозу Иран, Ирак, Сирию, Палестину, Суэцкий канал и Египет»²⁰⁹.

На ростовском направлении командование немецкой группы армий «Юг» к началу ноября 1941 г. сосредоточило 1-ю танковую армию генерала Э. Клейста, включавшую два моторизованных и горнострелковый немецкие корпуса, а также итальянский подвижный корпус. В армии насчитывалось свыше 300 танков и 100 бронемашин. Наземные войска активно поддерживались авиацией, которая в то время имела полное господство в воздухе.

При планировании операции по захвату Ростова командование группы армий «Юг» отказалось от нанесения фронтального удара, решив демонстративными действиями одной дивизии сковать советские войска с запада, а главными силами осуществить глубокий охват города с северо-востока. Для этого 1-я танковая армия должна была нанести удар в направлении Шахты, Новочеркасск, окружить группировку Южного фронта на подступах к Ростову, уничтожить ее и получить возможность продвигаться в глубь Кавказа.

Первой приняла на себя вражеский удар 9-я армия генерала Ф. М. Харитонов, которая, действуя в полосе шириной около 90 км, занимала оборону с передним краем по рубежу Дубровский — Миллерово — Голубовский — Крутой Яр — Большекрепинская — Шахов. Перейдя в наступление утром 5 ноября, противник силами 16-й и 14-й дивизий, дивизии СС «Викинг» и одного полка 60-й моторизованной дивизии нанес главный удар по правому флангу армии на участке шириной 28 км, где оборонялись 136-я и 150-я стрелковые дивизии. Командование 1-й немецкой танковой армии полагало, что массированным применением танков сможет легко преодолеть сопротивление советских войск. Но с первых часов сражения вражеские танки встретили мощную, хорошо подготовленную противотанковую оборону.

Однако в полосе обороны 136-й стрелковой дивизии танкам противника удалось прорваться через передний край. В приказе Военного совета Южного фронта отмечалось: «Бойцы, командиры и политработники 136-й стрелковой дивизии... в ожесточенных боях с противником, имевшим на этом направлении почти пятикратное превосходство в танках и бронемашинах, проявили образцы мужества, самоотверженности, стойкости и героизма. 733-й стрелковый полк, несмотря на то что по нему наносили удар до 100 танков противника и обходили его левый фланг, ни на один метр не отошел с обороняемого рубежа и заставил танки противника повернуть назад»²¹⁰.

Тем не менее, используя значительное превосходство в танках, враг к исходу 5 ноября прорвался на смежных флангах 136-й и 150-й стрелковых дивизий, вклинился в глубину обороны 9-й армии на 17 км и захватил Красновку и Алексеево-Тузловку, потеряв при этом до 50 танков, пять бронемашин, 15 орудий, 50 грузовых автомобилей и до двух батальонов пехоты.

В связи с тем что противник вклинился в полосу обороны 9-й армии небольшой группой, командующий войсками фронта приказал генералу Харитонову устранить вражеский прорыв своими силами. Не имея в глубине обороны значительных резервов, командарм создал контрударную группировку за счет ослабления дивизий, оборонявшихся на переднем крае.

На следующий день ударные группы 9-й армии перешли в наступление, но встретили сильное огневое противодействие, завязались затяжные бои. Вслед за этим главные силы 1-й немецкой танковой армии возобновили наступление. В результате 136-я стрелковая дивизия была обойдена с флангов, а 150-я окружена. В итоге к исходу дня противник увеличил свой клин на этом участке еще на 8 км. В этих условиях генерал Харитонов решил силами 136-й стрелковой дивизии со 132-й танковой бригадой и дивизионом 8-го гвардейского минометного полка защищать позиции в районе Дьяково, а остальные силы армии отвести на тыловую полосу обороны с тем, чтобы перекрыть пути сообщения в направлении Шахт и Ростова.

С утра 7 ноября противник нанес еще один удар по частям 136-й стрелковой дивизии. Трижды он переходил в атаку, и все три раза они отражались с большими для него потерями. Два последующих дня 1-я немецкая горнострелковая и 2-я словацкая моторизованная дивизии пытались сбить подразделения 733-го и 387-го стрелковых полков 136-й стрелковой дивизии с занимаемых позиций, но каждый раз безуспешно. Только по приказу командующего 18-й армией, в подчинение которого было передано соединение, они отошли на новый оборонительный рубеж. За отвагу, стойкость, мужество и героизм 136-я стрелковая дивизия указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1942 г. была преобразована в 15-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

1-я немецкая танковая армия, вклинившись в глубину обороны советских войск на 40 км, была остановлена на тыловой полосе, так и не выполнив поставленной перед ней задачи по овладению Ростовом. Противник потерял 146 танков, 22 бронемашин, 54 орудия и миномета, 257 грузовых автомобилей и около девяти тысяч солдат и офицеров²¹¹.

636 солдат и офицеров 9-й армии были отмечены правительственными наградами: трое воинов стали Героями Советского Союза, 20 человек награждены орденом Ленина, 138 человек — орденом Красного Знамени, 197 человек — орденом Красной Звезды, 151 человек — медалью «За отвагу», 127 человек — медалью «За боевые заслуги»²¹².

Не добившись успеха в попытке выхода к Ростову с северо-востока, командование 1-й немецкой танковой армии перегруппировало силы для нанесения фронтального удара по 56-й армии генерала Ф. Н. Ремезова. Эта армия была сформирована в октябре на базе Северо-Кавказского военного округа и находилась в непосредственном подчинении Ставки ВГК. К середине ноября в ее состав входили пять стрелковых и четыре кавалерийские дивизии, Ростовское артиллерийское училище и 6-я танковая бригада. В ней имелось 105 танков, из них только четыре КВ и десять Т-34, остальные — легкие танки Т-26. На вооружении также состояли тридцать девять 213-мм, шесть 152-мм и одиннадцать 122-мм орудий.

Армия оборонялась в полосе шириной 75 км — от Новочеркасска до Чалтыря. На ее правом фланге, где противник впоследствии нанес свой главный удар, находились отряды сторожевого охранения и 317-я стрелковая дивизия. В составленном по итогам операции «Описании боевых действий 56-й армии» говорилось: «В принятой группировке войск наиболее слабым местом являлся правый фланг... Не были даже закончены противотанковые и противопехотные препятствия на переднем крае обороны. Всего менее был готов к обороне сам город, наружный обвод города укреплен не был. Баррикады были в очень ограниченном количестве, не было постоянного гарнизона, подготовленного к уличному бою... Армия не имела достаточного количества противотанковых резервов»²¹³.

В период с 12 по 16 ноября немецкое командование сосредоточило против 56-й армии две танковые и две моторизованные дивизии. Утром 17 ноября 1-я танковая армия Клейста нанесла удар на Генеральское, Большие Салы. Уже к 10 часам враг прорвал оборону 317-й стрелковой дивизии и ворвался в Большие Салы. Утром следующего дня, отразив плохо подготовленный контрудар частей 56-й армии, ударная группировка противника начала расширять и углублять прорыв. К 16 часам враг захватил Красный Крым. Попытка 31-й стрелковой дивизии остановить противника не имела успеха.

В середине дня 19 ноября вражеские танки противника прорвались к северо-восточным предместьям Ростова, в тыл 56-й армии. Ее соединения получили приказ отойти на рубеж Ростовского оборонительного района и здесь остановить врага. 20 ноября в 4 часа 30 минут

начальник Генерального штаба Красной армии маршал Б. М. Шапошников от имени Ставки ВГК передал командарму Ф. Н. Ремезову категорическое указание: «Город Ростов должен быть удержан при всяких обстоятельствах. Драться до последнего бойца».

Упорные бои на ближних подступах к Ростову и его окраинах продолжались весь день 20 ноября. Генерал Ремезов в своем докладе в Генеральный штаб сообщал: «В сегодняшних боях потеряно большое количество материальной части: танков, артиллерии и три бронепоезда. Много смелых, храбрых командиров и политических работников дивизий погибли, есть потери и в управлении армии, руководившем боем во главе с Военным советом»²¹⁴.

К исходу дня танки противника вышли в районы Орджоникидзе и Красный Город-Сад, охватывая Ростов с северо-запада и северо-востока. Батальон автоматчиков, поддержанный 30–40 танками, прорвался к вокзалу и стал продвигаться к центру города, выходя в тыл частям 353, 31, 347-й стрелковых дивизий, к железнодорожному мосту и в южную часть Ростова. Обстановка с каждым часом обострялась. К 24 часам уличные бои разгорелись по всему городу, особенно ожесточенными они были в районе переправ в Аксайской, у острова Зеленый, а также в районе наплавного и железнодорожного мостов. Командный пункт армии был перенесен из здания Ростовского обкома в Батайск. В 3 часа 40 минут 21 ноября, когда все соединения армии прорвались к переправам, был отдан приказ об отходе на левый берег Дона. К 17 часам главные силы 56-й армии завершили отход, а переправы были взорваны.

Мужественно сражались в Ростове бойцы полка народного ополчения, который оборонялся на северо-западной окраине города и прикрывал отход частей 56-й армии. Даже попав в окружение, ополченцы стояли насмерть, отбивая одну атаку за другой. Только по приказу полк оставил занимаемый рубеж²¹⁵.

Тем не менее И. В. Сталин упрекнул секретаря Ростовского обкома ВКП(б) Б. А. Двинского в том, что якобы «никакого сопротивления рабочих в Ростове... организовано не было». В ответ Двинский подчеркнул: «В самом Ростове дрались, и крепко... Коммунисты и лучшие рабочие заранее, еще до эвакуации предприятий, были организованы в полк народного ополчения, прошли заблаговременно обучение и получили главным образом старое оружие (около тысячи человек). Они сражались честно внутри города всюду, где могли»²¹⁶.

Наряду с ополченцами отход 56-й армии из Ростова прикрывали 33-й мотострелковый полк и 230-й полк НКВД. 1-й батальон 230-го полка, неся большие потери, отошел на левый берег Дона через переправу на Будённовском проспекте, его 2-й батальон отходил по 29-й линии на Зеленый остров. Он не успел еще занять окопы, как по наплавному мосту на остров прорвались 12 вражеских танков, сопровождаемых сильным огнем пулеметов и минометов. Пять часов противник обстреливал позиции батальона из орудий, минометов и пулеметов, пропуская вперед танки. Но чекисты не дрогнули. И в последующие дни они, отражая многочисленные атаки, удерживали остров как плацдарм для наступления на город²¹⁷.

В то время когда соединения 9-й и 56-й армий отражали удары врага на шахтинском и ростовском направлениях, Ставка ВГК, главнокомандование Юго-Западного направления и командование Южного фронта готовили наступательную операцию с целью разгрома 1-й немецкой танковой армии. Главный удар в полосе Южного фронта по втянувшейся в борьбу за Ростов танковой армии Клейста наносила 37-я армия генерала А. И. Лопатина, занимавшая выгодное положение. В нее входили шесть стрелковых дивизий, три танковые бригады, семь артиллерийских полков, два минометных дивизиона и три бронепоезда. Кроме того, к контрнаступлению привлекалась часть сил 18-й и 9-й армий, отдельный кавалерийский корпус в составе двух кавалерийских дивизий. Помимо группировки Южного фронта удар по противнику должна была нанести и 56-я отдельная армия.

Контрнаступление началось утром 17 ноября. Соединения 37-й армии Южного фронта, прорвав оборону противника, в первый же день продвинулись на 15–18 км. Успешно наступала и 9-я армия. Командование 1-й танковой армии немцев, почувствовав угрозу окружения, бросало в сражение резервы, активно маневрировало подвижными соединениями. Это не позволило советским войскам достичь запланированных темпов наступления. В последующие три дня их продвижение на направлении главного удара составило всего 15–20 км.

Оборона Ростова. Артиллеристы ведут огонь по танкам противника

Начался штурм Ростова

Оценивая сложившуюся обстановку как благоприятную, начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Ф. Гальдер 19 ноября в своем дневнике записал: «Противник пытается фланговым контрударом с востока приостановить наступление Клейста. Эти попытки не имеют успеха»²¹⁸. Однако вскоре в его дневниковых записях стала нарастать тревога за судьбу 1-й танковой армии.

Перелом наметился 20 ноября. Улучшилась погода, и в действие вступили ВВС Южного фронта, оказавшие существенную помощь наступающим войскам. 1-я и 4-я горнострелковые, 16-я танковая, моторизованная СС «Викинг» дивизии 1-й танковой армии понесли значительные потери. Продвижение ударной группировки Южного фронта создавало реальную угрозу ее флангу и тылу. Вражеские войска в Ростове оказались под угрозой окружения с северо-запада. Поэтому Клейст немедленно начал перебрасывать танковые дивизии на север и отказался от дальнейшего наступления на юге. Гальдер, в свою очередь, вынужден был признать, что «севернее Ростова ввиду наступления превосходящих сил противника 1-я танковая армия была вынуждена перейти к обороне, и ей будет очень трудно удержать занимаемые позиции»²¹⁹. Для непосредственной обороны Ростова выделялись только дивизия СС «Адольф Гитлер», запасной учебный полк и корпусной саперный батальон.

24 ноября Ставка ВГК определила войскам ближайшую задачу — освобождение Ростова. 9-я и 37-я армии наносили удар на город с севера, а 56-я отдельная армия — с юга и юго-востока²²⁰. Силы первого эшелона 56-й армии были сведены в две группы — восточную и западную. Восточная группа (353-я стрелковая, 64-я кавалерийская дивизии, батальон военно-политического училища) под командованием генерала А. А. Гречкина получила приказ с утра 27 ноября ударом на Большой Лог, Орджоникидзе овладеть восточной окраиной города. Западной группе (31-я стрелковая дивизия, 13-я и 78-я стрелковые бригады, 62-я и 70-я кавалерийские дивизии) генерала П. М. Козлова предписывалось нанести удар на Чалтырь и Каменоломни и овладеть западной окраиной Ростова. В центре, непосредственно на Ростов, наступали 343-я стрелковая дивизия, Ростовский полк народного ополчения и 347-я стрелковая дивизия с 230-м полком НКВД.

Наступление 56-й армии началось в сложной обстановке. Ростов стоит на крутом берегу. Боевые порядки советских войск просматривались противником на всю глубину. Особенно тяжелые условия для наступления были в районе станции Аксайская и на левом фланге армии, где долина реки и плавни представляли открытую равнину. Этот участок местности был назван бойцами «долиной смерти», так как немецкие войска могли сосредоточить здесь огонь всех видов оружия. Кроме того, на отдельных высотах, в складах местности они разместили вкопанные в землю танки. Тщательно замаскированные огневые точки располагались в домах и других каменных зданиях. Успешной обороне врага способствовало также то, что лед через Дон был еще тонким, в некоторых местах отошел от берега, и это исключало возможность переправы по нему не только танков, но также автомашин и артиллерии.

Ранним утром 27 ноября после артиллерийской подготовки соединения 56-й армии начали штурм вражеских позиций. 31-я стрелковая дивизия вела бой за овладение Нижне-Гниловской и Семерниково. Бойцы шли через плавни, заросшие камышом, затем по совершенно открытому участку местности. Когда части вышли на неокрепший лед реки, враг обрушил на них лавину огня из всех огневых средств пехоты и закопанных танков. Но воины дивизии продолжали вести бой с противником и двигаться вперед. Несмотря на их героические усилия, 31-й стрелковой дивизии не удалось ворваться в город. Лишь в ночь на 29 ноября ее части вышли на его западную окраину, в район Красный Город-Сад, перерезали шоссе Ростов — Таганрог и вынудили немцев оставить занимаемые рубежи.

Основная тяжесть уличных боев в Ростове выпала на долю 347-й и 343-й стрелковых дивизий. Особенно самоотверженно сражались подразделения приданных им 230-го полка НКВД и Ростовского стрелкового полка народного ополчения. В журнале боевых действий Южного фронта отмечалось: «Через полыньи Дона, по льду, по открытой местности под непрерывным огнем шквалом, проявляя героизм, мужество и отвагу, шли доблестные части Красной армии на штурм Ростова. И впереди наступающих, прокладывая дорогу на

Пулеметчики поддерживают огнем атаку подразделений под Ростовом

Уличные бои в городе

баррикадах, — славный 230-й полк НКВД под командованием подполковника Демина, во главе с комиссаром полка батальонным комиссаром товарищем Школьниковым. В авангарде шел и полк народного ополчения под командой командира полка товарища Варфоломеева, комиссара полка товарища Штахановского.

230-й полк НКВД наступал на Ростов через остров Зеленый. Подразделения этого полка еще 28 ноября, форсировав Дон, ворвались в город и вышли до театральной площади, ведя с противником ожесточенные уличные бои. К вечеру... действия этого полка были поддержаны наступлением одного батальона 347-й стрелковой дивизии... В ночь на 29 ноября 230-й полк НКВД в результате контратак противника был вынужден оставить два квартала города, но основную часть захваченного он удержал за собой...

В ночь на 29 ноября полк народного ополчения, форсировав Дон у железнодорожного моста и ведя уличные бои, к рассвету подошел к вокзалу. В связи с этим на северном берегу реки Дон был обеспечен необходимый плацдарм для дальнейшего наступления...

Таким образом, 230-й полк НКВД и полк народного ополчения первыми ворвались в город и до окончательного овладения городом действовали в авангарде двух дивизий»²²¹.

29 ноября с севера и северо-востока в Ростов ворвались части 9-й армии, и город был окончательно очищен от немецких захватчиков.

Немецкое командование вынуждено было признать тот факт, что 1-я танковая армия Клейста была отброшена от Ростова с большими потерями: около 30 тыс. человек, 80 самолетов, 275 танков, свыше 350 орудий. «Ростовские ворота» на Кавказ, о захвате которого мечтали Гитлер и его генералитет, оказались надежно закрыты советскими войсками до лета 1942 г. Германский исследователь П. Карель отмечал: «Отступление хотя и не являлось катастрофой, стало все же первым откатом с начала войны. Это был искусный «гибкий отход». Большая часть важного Донецкого бассейна осталась в руках немцев. Но ничего не могло прикрыть того факта, что немецкая армия на Востоке понесла первое серьезное поражение»²²². С другой стороны, победа Красной армии под Ростовом наряду с оперативными результатами имела огромное политическое и моральное значение. Она вселила уверенность в командиров и бойцов в неизбежность разгрома врага, показала всему миру способность советского народа противостоять агрессору.

В целом на советско-германском фронте происходили события, которые свидетельствовали о том, что Красная армия, вопреки ожиданиям Гитлера, сохранила свою боеспособность, была в состоянии вести активные действия и наносить пока и небольшие, но поражения лучшей на тот период армии мира. Ситуация складывалась непростая. Тем не менее руководство Советского Союза не теряло надежды переломить ход событий в свою пользу, а народ — веры в победу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004. С. 3.
- ² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2-х т. М., 2009. Т. 2. С. 63.
- ³ 1941 год. В 2-х кн. М., 1998. Кн. 1. С. 208, 453–454.
- ⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник / Под общ. ред. О. Ржешевского. М., 1990. С. 9.
- ⁵ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в семи томах. Т. II. М., 1957. С. 484.
- ⁶ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. М., 1973. С. 9.
- ⁷ Виниер Б. Солдат трех армий / Пер. с нем. М., 1973. С. 192.
- ⁸ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО). Ф. 500. Оп. 12462. Д. 572. Л. 3.
- ⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 571. Л. 79.
- ¹⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. М., 2011. Т. 1. Основные события войны. С. 167.
- ¹¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 111–112.
- ¹² Там же. Оп. 12454. Д. 115. Л. 24–27.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Гот Г. Танковые операции / Пер. с нем. М., 1961. С. 116.
- ¹⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 5–8.
- ¹⁶ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. В 2-х кн. Кн. 2. С. 14.
- ¹⁷ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 152–153.
- ¹⁸ Berthold Seewald. «Unternehmen Taifun» — Hitlers Blitzkrieg-Desaster // Die Welt 2011. 2 okt.
- ¹⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 7. Л. 38–41.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Berthold Seewald. «Unternehmen Taifun» — Hitlers Blitzkrieg-Desaster // Die Welt 2011. 2 okt.
- ²² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 554. Л. 46–51.
- ²³ ТГр — танковая группа.
- ²⁴ Цит. по: Мялков М. Ю. Вермахт у ворот Москвы. 1941–1942. М., 1999. С. 54–55.
- ²⁵ Там же. С. 55.
- ²⁶ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 571. Л. 1–3.
- ²⁷ Там же. Д. 231. Л. 41.
- ²⁸ Там же. Д. 114. Л. 34.
- ²⁹ Там же. Д. 548. Л. 96–99.
- ³⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 167.
- ³¹ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг./ Пер. с нем. В 3-х т. Т. 3. М., 1976. С. 22.
- ³² Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. С. 17.
- ³³ Муриев Д. З. Провал операции «Тайфун». М., 1972. С. 19.
- ³⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1998–1999. Кн. 1. М., 1998. С. 213.

- ³⁵ Битва за столицу. Сборник документов. В 2-х т. М., 1994. Т. 1. От обороны к контрнаступлению. С. 13–14.
- ³⁶ Там же. С. 15–16.
- ³⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 165–166.
- ³⁸ См.: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 16–17.
- ³⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). М., 1996. С. 207.
- ⁴⁰ *Статюк И.* Оборона Москвы 1941 г. М., 2007. С. 4.
- ⁴¹ Великая битва Великой войны. М., 2012. С. 137.
- ⁴² Кроме того, в недалеком тылу небо столицы защищал 6-й истребительный авиакорпус ПВО (343 исправных самолета).
- ⁴³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 167–168.
- ⁴⁴ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 216. Л. 9.
- ⁴⁵ Там же. Оп. 2579. Д. 2. Л. 241.
- ⁴⁶ См.: Вторая мировая война 1941–1945 гг. М., 1958. С. 137.
- ⁴⁷ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 7.
- ⁴⁸ ЦАМО. Ф. 5. Оп. 11462. Д. 104. Л. 246; Д. 106. Л. 525–526; Ф. 8. Оп. 11627. Д. 107. Л. 108–110, 111–114, 115–116.
- ⁴⁹ Цит. по: Правда. 1942. 22 января.
- ⁵⁰ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 9.
- ⁵¹ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964. С. 25.
- ⁵² Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 169.
- ⁵³ ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 51. Л. 343.
- ⁵⁴ Там же. Л. 344.
- ⁵⁵ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 9.
- ⁵⁶ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2433. Д. 3. Л. 47, 48.
- ⁵⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 172.
- ⁵⁸ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 17.
- ⁵⁹ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 5. Л. 450.
- ⁶⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 172; Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 39–40.
- ⁶¹ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 236–237.
- ⁶² *Статюк И.* Оборона Москвы. 1941. С. 10.
- ⁶³ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г. С. 268.
- ⁶⁴ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 53–62.
- ⁶⁵ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 5. Д. 32. Л. 26–27.
- ⁶⁶ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 53–62.
- ⁶⁷ Великая битва Великой войны. С. 153.
- ⁶⁸ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 53–62.
- ⁶⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 244.
- ⁷⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 176; Великая битва Великой войны. С. 153–154.
- ⁷¹ *Völkischer Beobachter.* 1941/9, 10 okt.
- ⁷² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 176; Великая битва Великой войны. С. 153–154.
- ⁷³ Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 193.
- ⁷⁴ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 18.
- ⁷⁵ ЦАМО. Ф. 202. Оп. 1019. Д. 12. Л. 3.
- ⁷⁶ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Stuttgart, 1990. Bd. 4. S. 573–578.
- ⁷⁷ 5 октября 1-я и 2-я танковые группы были переименованы в 1-ю и 2-ю танковые армии.
- ⁷⁸ Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 57.

- ⁷⁹ Вторая мировая война 1939–1945 гг. М., 1958. С. 228.
- ⁸⁰ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 38650. Оп. 1. Д. 605. Л. 188–189.
- ⁸¹ См.: *Кривец В. Д., Холоден В. Ф., Штутман С. М.* История строительства внутренних войск (1917–1945). М., 1978. С. 195.
- ⁸² Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 201.
- ⁸³ *Кривец В. Д., Холоден В. Ф., Штутман С. М.* История строительства внутренних войск (1917–1945). С. 195.
- ⁸⁴ Там же. С. 195–196.
- ⁸⁵ РГВА. Ф. 38693. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ⁸⁶ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 248.
- ⁸⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г. С. 269.
- ⁸⁸ ЦАМО. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 233. Л. 125–130.
- ⁸⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 277.
- ⁹⁰ Там же. Л. 308.
- ⁹¹ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1029. Л. 161–173.
- ⁹² ЦАМО. Ф. 202. Оп. 12462. Д. 73. Л. 18–19.
- ⁹³ Московская битва в постановлениях Государственного Комитета Обороны: Документы и материалы. М., 2001. С. 74–75; Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 167.
- ⁹⁴ *Кривец В. Д., Холоден В. Ф., Штутман С. М.* История строительства внутренних войск (1917–1945). С. 196.
- ⁹⁵ Цит. по: Красная звезда. 1941. 24 октября.
- ⁹⁶ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 1. Л. 34, 35, 54.
- ⁹⁷ Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Краткая хроника. М., 1981. С. 54.
- ⁹⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г. С. 279.
- ⁹⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 115. Л. 41.
- ¹⁰⁰ См.: Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 228.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Войска называются внутренними. С. 217.
- ¹⁰³ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 5. Л. 3–4.
- ¹⁰⁴ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 62–63.
- ¹⁰⁵ Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 55.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Цит. по: *Мяжков М. Ю.* Указ. соч. С. 95.
- ¹⁰⁸ *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года: Исторический очерк / Пер. с нем. М., 1980. С. 139.
- ¹⁰⁹ Эта часть наступления составляла содержание операции 9-й армии, имея кодовое наименование *Wolga Staubecken* — «Волжское водохранилище».
- ¹¹⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г. С. 279.
- ¹¹¹ ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 3. Л. 324, 336–337.
- ¹¹² Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 92. Л. 92.
- ¹¹³ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 66.
- ¹¹⁴ Фронт без линии фронта. М., 1975. С. 52.
- ¹¹⁵ ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 6 Л. 60–64.
- ¹¹⁶ Еще 1 ноября 1941 г. в Ставке ВГК возникла идея контрнаступления. Для претворения ее в жизнь было принято решение о формировании в тылу страны 10 резервных армий (Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 250).
- ¹¹⁷ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 29–30.

- ¹¹⁸ ЦАМО. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 64. Л. 84–87.
- ¹¹⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 240–241.
- ¹²⁰ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 219. Л. 300–301.
- ¹²¹ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г. С. 280.
- ¹²² Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 241.
- ¹²³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 119. Л. 77.
- ¹²⁴ Clark A. Barbarossa: The Russian-German Conflict 1941–1945. L. 1965. P. 172.
- ¹²⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г. С. 280.
- ¹²⁶ См.: Документальный фонд Центрального музея Вооруженных сил РФ. Д. 8/225. Л. 5–6.
- ¹²⁷ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 218. Л. 111.
- ¹²⁸ Войска противовоздушной обороны страны. Исторический очерк. М., 1968. С. 108.
- ¹²⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 107.
- ¹³⁰ Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 120–121.
- ¹³¹ Жуков Г. К. Указ. соч. Т. 2. С. 34.
- ¹³² ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 233. Л. 127–129.
- ¹³³ Ордена Ленина Московский военный округ. 3-е изд., испр. и доп. М., 1985. С. 265–266.
- ¹³⁴ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2911. Д. 219. Л. 360, 374–375, 383–384, 398.
- ¹³⁵ Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004. С. 217.
- ¹³⁶ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 299.
- ¹³⁷ ЦАМО. Ф. 326. Оп. 5045. Д. 1. Л. 62–63.
- ¹³⁸ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 54.
- ¹³⁹ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 219. Л. 392–393.
- ¹⁴⁰ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 46–49.
- ¹⁴¹ Жуков Г. К. Указ. соч. Т. 2. С. 34.
- ¹⁴² ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 19. Л. 357. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 92.
- ¹⁴³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 567. Л. 275; Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 93. Л. 89.
- ¹⁴⁴ Русский архив: Великой Отечественной. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 310.
- ¹⁴⁵ ЦАМО. Ф. 213. Оп. 202. Д. 35. Л. 32–33.
- ¹⁴⁶ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 113.
- ¹⁴⁷ Жуков Г. К. Указ. соч. Т. 2. С. 31.
- ¹⁴⁸ Великая битва Великой войны. С. 194.
- ¹⁴⁹ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 117.
- ¹⁵⁰ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 15. Л. 3; Д. 21. Л. 98–99.
- ¹⁵¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 15. Л. 65; Д. 21. Л. 101, 110–113; Ф. 208. Оп. 2513. Д. 213. Л. 453–454.
- ¹⁵² ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 219. Л. 442, 443, 447.
- ¹⁵³ История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6-ти т. Т. 2. С. 263.
- ¹⁵⁴ Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004. С. 231.
- ¹⁵⁵ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 219. Л. 451, 457, 459, 460.
- ¹⁵⁶ Рейнгардт К. Указ. соч. С. 198–200.
- ¹⁵⁷ Цит. по: Самсонов А. Москва, 1941 год: от трагедии поражений — к великой победе. М., 1991. С. 168.
- ¹⁵⁸ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистические исследования. М., 2001. С. 273.
- ¹⁵⁹ Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 165 (225). Л. 1–5; См. также: Рейнгардт К. Указ. соч. С. 381.
- ¹⁶⁰ Москва — фронту. М., 1966. С. 49; Московский большевик. 1942. 5 марта.
- ¹⁶¹ Цит. по: Жуков Г. К. Указ. соч. Т. 2. С. 23.
- ¹⁶² Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война: Сборник церковных документов. М., 1943. С. 409–410.

- ¹⁶³ Правда. 1941. 15 октября.
- ¹⁶⁴ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 2. Л. 543–549.
- ¹⁶⁵ См.: *Артамонов В. А.* Боевой дух Русской армии XV–XX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 143.
- ¹⁶⁶ Наше Отечество: опыт политической истории. М., 1991. Т. 2. С. 381, 419, 420, 425, 427.
- ¹⁶⁷ См.: *Паничев В.* Военная прокуратура в годы Великой Отечественной войны // Законность. 1995. № 3. С. 31.
- ¹⁶⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 180.
- ¹⁶⁹ ЦАМО. Ф. 206. Оп. 2511. Д. 46. Л. 123.
- ¹⁷⁰ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 24. Л. 2–3.
- ¹⁷¹ *Сталин И. В.* Сочинения. В 18-ти т. М., Тверь, 1946–2006. Т. 18. Тверь, 2006. С. 267–269.
- ¹⁷² *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 18.
- ¹⁷³ См.: Партийно-политическая работа в Советских вооруженных силах в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Краткий исторический обзор. М., 1968. С. 53.
- ¹⁷⁴ Правда. 1941. 7 ноября.
- ¹⁷⁵ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 18. Л. 4.
- ¹⁷⁶ Там же. Л. 37.
- ¹⁷⁷ См., напр.: *Эренбург И.* Бешеные волки. М., 1941; *Он же.* Людоеды. М., 1941.
- ¹⁷⁸ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 26.
- ¹⁷⁹ Цит. по: Военные парады на Красной площади. М., 1980. С. 123.
- ¹⁸⁰ Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004. С. 171.
- ¹⁸¹ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 22.
- ¹⁸² Москва военная. С. 355.
- ¹⁸³ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. Военно-исторический очерк. В 4-х т. М., 1958. Т. 1. С. 258.
- ¹⁸⁴ ЦАМО. Ф. 217. Оп. 3084. Д. 4. Л. 16.
- ¹⁸⁵ Там же. Оп. 1221. Д. 8. Л. 96–99.
- ¹⁸⁶ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 240–241.
- ¹⁸⁷ Там же. С. 243–244.
- ¹⁸⁸ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. С. 262.
- ¹⁸⁹ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 298.
- ¹⁹⁰ ЦАМО. Ф. 96. Д. 5. Л. 138–140; Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. СПб., 2005. С. 55–56.
- ¹⁹¹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 61–62.
- ¹⁹² История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974. С. 255.
- ¹⁹³ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 53, 55–56.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 67.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 91.
- ¹⁹⁶ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. С. 271.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 409.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 411.
- ¹⁹⁹ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 97, 100–101.
- ²⁰⁰ *Шигин Г. А.* Битва за Ленинград: крупные потери, «белые пятна», потери. М. — СПб., 2004. С. 98.
- ²⁰¹ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 329–330.
- ²⁰² *Федюнинский И. И.* Поднятые по тревоге. М., 1964. С. 88.
- ²⁰³ О плане «Ориент» см. подробнее: *Макси К.* Упущенные возможности Гитлера. М. — СПб., 2001. С. 171–174.
- ²⁰⁴ ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 30. Л. 12, 13.

- ²⁰⁵ *Евстигнеев В. Н.* 70 героических дней. М., 1964. С. 55.
- ²⁰⁶ Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. М., 1996. Т.16 (5-1). С. 212–213.
- ²⁰⁷ *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Три столетия Российского флота. 1941–1945 гг. М., 2005. С. 426; Боевой путь советского Военно-морского флота. 4-е изд., испр. и доп. М., 1988. С. 322.
- ²⁰⁸ 73 героических дня. Одесса, 1978. С. 295.
- ²⁰⁹ Ростовская операция. Ноябрь — декабрь 1941 г. М., 1943. С. 11.
- ²¹⁰ ЦАМО. Ф. 328. Оп. 1041. Д. 1. Л. 29–39.
- ²¹¹ *Орешкин А. К.* Оборонительная операция 9-й армии (октябрь — ноябрь 1941 г.). М., 1960. С. 117.
- ²¹² Там же. С. 124.
- ²¹³ *Грецов М. Д.* На юго-западном направлении (июнь — ноябрь 1941 г.). М., 1960. С. 355.
- ²¹⁴ Известия ЦК КПСС. 1991. № 7.
- ²¹⁵ *Штахановский П. А.* В боях за Ростов // В боях за Дон. Сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны. Ростов, 1968. С. 76–77.
- ²¹⁶ Известия ЦК КПСС. 1991. № 7.
- ²¹⁷ Ростов-на-Дону. Исторические очерки. Ростов, 1979. С. 177.
- ²¹⁸ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 52.
- ²¹⁹ Там же. С. 63.
- ²²⁰ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 308.
- ²²¹ ЦАМО. Ф. 51. Оп. 361. Д. 11. Л. 119–120.
- ²²² *Carell P.* Unternehmen «Barbarossa». Frankfurt a/M, 1963.